

Имперсональные конструкции и дативно-предикативные структуры в русском языке

© 2018

Антон Владимирович Циммерлинг

Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, Москва, Россия;
Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия;
Институт языкознания РАН, Москва, Россия; fagraey64@hotmail.com

Аннотация: В статье на материале двух конструкций русского языка — impersonальных схем с глаголом в 3 л. и дативно-предикативных структур с несогласуемым предикативом — рассматривается вопрос о наличии промежуточной зоны между словарем и грамматикой. Продуктивные конструкции предлагается анализировать не в перспективе их идиоматичности, а с точки зрения ограничительных условий на пополнение словаря. Конструкции с общей базовой семантикой могут в разной степени зависеть от лексического наполнения, что выявляется при построении типологической признаковой шкалы. Русский язык занимает промежуточное положение между языками, где употребление impersonальных глагольных схем и связочных схем с предикативами грамматикализовано, и языками, где эти схемы полностью лексикализованы. Исторически сложившаяся в русском языке дистрибуция двух impersonальных схем отражает сложное взаимодействие лексики и синтаксиса в рамках противопоставлений групп глагольной лексики. Ключевым фактором употребления дативно-предикативных структур в русском языке является тернарное противопоставление производящих основ признаков слов и сохранение класса основ, от которых образование предикатов, описывающих внутреннее состояние одушевленного субъекта, затруднено или невозможно.

Ключевые слова: германские языки, грамматика, impersonал, конструкции, нулевые подлежащие, предикативы, русский язык, семантическая селекция, славянские языки, словарь

Для цитирования: Циммерлинг А. В. Имперсональные конструкции и дативно-предикативные структуры в русском языке // Вопросы языкознания. 2018. № 5. С. 7–33. DOI: 10.31857/S0373658X0001394-2.

Благодарности: Статья написана при поддержке проекта РНФ 16-18-00203 «Структура значения и ее отображение в системе лексических и функциональных категорий русского языка», реализуемого в МПГУ. Я благодарю анонимных рецензентов за замечания, а также М. Я. Дымарского, И. А. Мельчука, Е. Ю. Иванову, Л. Л. Иомдина, Э. Кари, М. Н. Макарецца за возможность обсудить фрагменты данного исследования и консультацию. Ответственность за все недочеты лежит на авторе.

Impersonal constructions and dative-predicative structures in Russian

Anton V. Zimmerling

Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia;
Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia;

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; fagraey64@hotmail.com

Abstract: This paper analyzes two Russian constructions, verbal impersonals in 3Sg ~ 3Pl and dative-predicative structures with a non-agreeing predicative and discusses the problem of lexical-syntactic interface and the borderline between lexicon and grammar. Productive constructions are defined as bilateral units and analyzed in the perspective of selective conditions imposed on lexical extension, not in the perspective of idiomatichity or non-compositionality. Languages with similar morphosyntax can develop similar constructions with one and the same underlying semantics but these constructions often show different scenarios of the lexicon-vs-grammar interaction. Modern Russian takes an intermediate position between languages where verbal impersonals and predicative structures are grammaticalized and languages where these constructions belong to the lexicon. The distribution of the impersonal patterns in 3Sg and 3Pl in Modern Russian encodes a non-trivial interaction of lexicon and grammar. The key factor in the stability of Russian dative-predicative

structures is the distinction between three classes of adjectival stems and the preservation of stems blocking the derivation of predicates which denote inner states.

Keywords: constructions, Germanic languages, grammar, impersonals, lexicon, predicatives, Russian, Slavic languages, s-selection, zero subjects

For citation: Zimmerling A. V. Impersonal constructions and dative-predicative structures in Russian. *Voprosy Jazykoznanija*. 2018. No. 5. Pp. 7–33. DOI: 10.31857/S0373658X0001394-2.

Acknowledgements: This research is supported by a grant from Russian Science Foundation, project No. 16-18-02003 “Structure of meaning and its mapping into lexical and functional categories of Russian” at Moscow State Pedagogical University. I thank anonymous reviewers for their comments. I am also grateful to Mikhail Dymarski, Igor Mel’čuk, Elena Ivanova, Leonid Iomdin, Ethelbert Kari and Maxim Makarcev for the possibility to discuss fragments of this research and for the consultation. The sole responsibility for all shortcomings is on the author.

1. Словарь и грамматика

1.1. Базовые компоненты и уровни языка

Язык функционирует благодаря взаимодействию двух базовых компонентов — словаря и грамматики. В общем виде словарь языка L определяется как хранящийся в памяти человека или устройства упорядоченный набор элементов, из которых складываются правильно построенные выражения L , а грамматика — как набор правил вывода правильно построенных выражений L . Данное понимание приложимо и к естественным [Щерба 2008: 25–27], и к формальным языкам [Гладкий, Мельчук 1969: 24–26]. В теоретической лингвистике понятие словаря редко применяется к единицам меньше слова, а главной задачей грамматики G_L признается порождение / распознавание правильно построенных синтаксических структур языка L на основе строго ограниченного набора правил или принципов, достаточных для порождения / распознавания синтаксических структур L [ФНСАЛ 1997: 29]. Синтаксическая правильность предложения и словосочетания предполагает морфологическую правильность их элементов, что отражает уровневая модель языка, намеченная в статье Э. Бенвениста [Benveniste 1964] и формализованная в [Мельчук 1974], ср. процессор уровневого типа [Apresjan et al. 2003].

1.2. Модулярные концепции. Эндоклитики

В эпоху господства уровневых теорий авторы большинства работ принимали два допущения: а) морфология и синтаксис — автономные разделы грамматики, представленные непересекающимися наборами правил; б) синтаксические правила получают на входе морфологическую структуру и не меняют ее. В эпоху распространения модулярных теорий [Halle, Marantz 1993; ФНСАЛ 1997: 32; Dalrymple 2001; Ackema, Neeleman 2007; Borer 2014], оба допущения подверглись ревизии. П. В. Гращенков [2016: 32] высказал мнение, что морфология является «не отдельным языковым модулем, а подмодулем синтаксиса, но [она] ограничена типом элементов, операции над которыми производятся», тем самым утверждая, что морфология — собственное подмножество синтаксиса. Радикальность данной формулировки умеряется оговоркой о том, что морфологические правила действуют до синтаксических и непрозрачны для них [Там же: 11]. Порядок действия правил тоже был подвергнут сомнению. Во многих версиях дистрибутивной морфологии используется представление о том, что часть морфологических правил действует по сле синтаксических, что объясняет дифференциальное маркирование аргументов [Keine, Müller 2015: 215]. Решение вопросов об автономности морфологии и синтаксиса мотивировано не только формализмом, но и выбором языкового материала. В этой связи обсуждались так называемые эндоклитики, то есть клитики, помещаемые внутрь морфемы или словоформы и нарушающие принцип лексической целостности, по которому морфологическая структура непроницаема

для синтаксических операций [Bresnan, Mchombo 1995]. Простейшим решением был бы отказ от признания эндоклитик ($X=\downarrow CL=X$)¹ разрядом элементов, выделяемых на тех же основаниях, что проклитики ($CL=X$) и энклитики ($X=CL$), см. [Klavans 1995]. Однако в работах 2000-х гг. было показано, что в ряде языков, включая удинский [Harris 2002: 55], дегема, пашто, европейский португальский, осетинский, готский и гбан, эндоклитики действительно вставляются внутрь морфем (удинский, дегема) или между морфемами. Универсального решения, позволяющего игнорировать эндоклитики единообразным способом, например за счет признания их аффиксами или за счет признания базиса эндоклизы синтаксической структурой, нет.

Вставка эндоклитик иллюстрируется ниже примерами из языка дегема (внутриморфемная эндоклиза) [Kari 2002: 46] и албанского языка (межморфемная эндоклиза) [Mëniku, Campos 2011: 247]. В албанском эндоклизе подвергаются личные местоимения, а в дегема — фактативная клитика $Vn \sim V$ (примеры приводятся в модифицированной нотации: символ « \downarrow » указывает на локус эндоклизы, а квадратные скобки — на элементы морфологической структуры).

- (1) ДЕГЕМА
 $o=gbóm-ós-né\downarrow=é=j$
 3SG.CL=bite-[CAUS]_{AFF}-[RES]_{AFF} [HAB= \downarrow FE=HAB]_{AFF}
 ‘он(а) действительно сделал(а) так, что его / ее несколько раз покусали’;
- (2) АЛБАНСКИЙ
Peshomëni një kilogram!
 $[[Pesh]_R-o]_{ST}=\downarrow më=[ni]_{AFF}$ *një kilogram!*
 weigh-IMP= \downarrow me.DAT=2PL one kilogram
 ‘Завесьте мне один килограмм!’

Признание эндоклитик прямо не зависит от выбора в пользу модулярного подхода, но является преимущественно эмпирической проблемой типологии. Реальная альтернатива связана с тем, постулировать ли для эндоклитик совокупность уникальных свойств или же признать особый статус тех морфологических базисов, которые разрываются синтаксическими элементами заданного типа. В последнем случае эндоклизой можно признать и вставку предлогов в русские отрицательные и взаимные местоимения в русском языке, ср. *ни для кого, друг на друге* [Аркадьев 2016].

Далее под грамматикой будет пониматься вся совокупность морфологических и синтаксических правил, независимо от порядка их действия. Вставка эндоклитик предсказуема на основе правил, поэтому оснований относить ее к словарю нет.

2. Между словарем и грамматикой

В работах [Рахилина 2010; Копотев, Стексова 2016: 66] обосновывается наличие промежуточной зоны между словарем и грамматикой. Кроме того, некоторые явления могут быть отнесены либо к словарю, либо к грамматике при разных критериях грамматической правильности [Якобсон 1985: 224; Плунгян 1994]. Вопрос об отнесении регулярной сочетаемости к словарю или к грамматике важен, прежде всего, для теоретической лингвистики, поскольку он позволяет оценить разные концепции естественного языка с точки зрения их предсказательной силы. Для обеспечения работы лингвистического процессора, возможно, имеет смысл дублировать информацию о синтаксической сочетаемости единиц, то есть учитывать ее **и** в словаре, **и** в грамматическом описании.

¹ Здесь и далее используется следующая нотация: X — просодический хозяин, « $CL=X$ » — проклитика, « $X=CL$ » — энклитика, « $X=\downarrow CL=X$ » — эндоклитика.

2.1. Идиоматичность и фраземы

Обоснование промежуточной зоны между грамматикой и словарем может строиться на постулировании идиом типа *негде спать, X рос и рос* и т. п., называемых ‘фраземами’ или ‘конструкциями’, и правил, приложение которых ограничено построением соответствующих единиц [Апресян и др. 2010: 59]. Более радикальные версии грамматики конструкций, ср. [Рахилина 2010: 64–66; Goldberg 2016], предлагают программу описания всех синтаксических выражений как идиом. Подход, ориентированный на выделение фразем, связывается с построением языковой структуры сверху вниз, а противоположный подход, основанный на принципе композициональности значения сложных выражений, — с построением языковой структуры снизу вверх [Boguslavsky 2011; Копотев, Стексова 2016: 22]. По нашему мнению, постулаты о (не)композициональности можно обосновать при обоих способах построения дерева предложения.

2.2. Критерии грамматической правильности

Существует три главных критерия грамматической правильности: критерий регулярности, критерий обязательности и критерий синтаксического запрета [Плунгян 1994; ФНСАЛ 1997: 29, 73; Циммерлинг 2000а: 126]. В концепции Л. В. Щербы [2008: 55] и ранних работах генеративистов основным критерием служит регулярность формы, независимо от обязательности выражаемого грамматического значения, а все нерегулярные формы относятся к словарю. По этому критерию русск. *меня, тебя* и англ. *went* будут отнесены к словарю, так как они не образуются на основе регулярного правила и не выступают в контекстах, где их можно интерпретировать как служебный компонент глагольной формы или конструкции. Если же основным критерием отнесения элемента к грамматике является обязательность, то есть корреляция между классом форм и обязательным для каждого члена класса рядом однородных категориальных значений [Зализняк 1967: 25], то *меня, тебя* и *went* будут отнесены к грамматике, так как они выражают, соответственно, значение «вин. п.» (одно из значений обязательной для русских личных местоимений и существительных категории падежа) и значение «прош. вр.» (одно из значений обязательной для английских глаголов категории времени). Критерий обязательности принимается в морфоцентрических моделях [Мельчук 1974; Бондарко 2010]. Для современных синтактикоцентрических моделей характерна комбинация критерия регулярности формы с критерием запрета: к грамматике относят выражения, порождаемые правилами, действующими с высокой регулярностью, не нарушающие действующие в данном языке ограничительные условия.

2.3. Грамматическая информация в словаре

В [Мельчук, Жолковский 1984; Aprésjan et al. 2003] информация о модели управления, сочетаемости, регулярных парафразах, лексических функциях эксплицитно относится к словарю. Авторы данных работ поддерживают представление о синтаксических идиомах [Апресян и др. 2010: 162–192], но проблема шире: предсказывается ли сочетаемость класса лексических единиц, имеющих сходные морфосинтаксические характеристики, правилами грамматики. Примем следующие определения:

(i) Сочетаемость единицы e при реализации значения M является грамматической информацией, выводимой по правилу грамматики G_e , если она предсказывается принадлежностью к некоторому формальному классу единиц, используемых в контексте G , $e \in \{G_a \dots G_n\}$ и обладающих общими морфосинтаксическими свойствами.

(ii) Сочетаемость единицы e при реализации значения M является словарной информацией, если она определяется принадлежностью к некоторой группе лексем T , $e \in \{a, b, \dots\}$ (в частном случае может быть одноэлементным множеством) и не предсказывается никаким

правилом грамматики G_e , устанавливающим общую сочетаемость единиц, используемых в контексте G , $e \in \{G_a \dots G_n\}$.

В русском языке есть модальные предикативы с финалью *-о*: $\langle X-y \rangle$ *нужно, прилично, неприлично*. Все они имеют валентности на дат. п. лица и на инфинитив — $\langle X-y \rangle$ *Z-во делать P*, но не сочетаются с придаточным изъяснительным, вводимым союзом *что*: * $X-y$ *нужно / неприлично, что P*. Назовем придаточное такого типа ‘*что P* — аргументом’. Отсутствие *что P* — аргумента предсказывается грамматикой в смысле (i), так как запрет на *что P* — аргумент распространяется на все предикативы с деонтическим модальным субъектом, которых в русском языке несколько десятков, см. [Циммерлинг 2017а: 442]. Запрет диагностируется в контексте $X-y$ *Z-во, что P*. Многие предикативы, ср. *прилично, неприлично, пристойно, простительно*, принимают *что P* — аргумент за пределами дативной структуры, но деонтическое значение при этом не выражается:

- (3) а. — А это не **неприлично**, что ты копался в моих мозгах? [Юрий Герман. Дорогой мой человек (1961)]
 б. *Мне **неприлично**, что ты копался в моих мозгах.

Напротив, для *известно* валентность на группу *от Y-a* {+Anim}, где в позиции Y стоит одушевленное выражение — словарная характеристика. *Известно* входит в класс единиц, которые допускают структуру $\langle X-y \rangle$ *<было> Z-во* и задают обязательный актанта ‘информация’: $X-y$ *<было> известно / неизвестно / ведомо / понятно / очевидно, что P*. На первый взгляд, *от Y-a* — просто одна из реализаций актанта ‘источник информации’, который выражается рядом *из разговоров с Y-м, со слов Y-a, из Y-в, через Y-a*. Но это не так: *от Y-a* {+Anim} при *известно* передает значение ‘Y целенаправленно передал информацию X-y или несет ответственность за то, что информация попала к X-y’, ср. *От информатора (Y) Штирлицу (X) стало известно, что P* (умышленное действие Y-a) и *От болтливого эзэсовца (Y) Штирлицу (X) стало известно, что P* (Y — виновник утечки информации). Поэтому замена *от Y-a* на *из разговоров Y-a* неэквивалентна. *Понятно, очевидно, ведомо* не указывают, что X получил информацию от Y-a в рамках речевого акта, и лишены валентности на группу *от Y-a*.

- (4) а. Во второй половине ноября **от своих людей с хуторов (Y)** «Молодой гвардии» (X) **стало известно, что** немцы гонят в тыл из Ростовской области большое стадо скота, полторы тысячи голов [А. А. Фадеев. Молодая гвардия (1943–1951)].
 б. ***От своих людей** «Молодой Гвардии» **стало понятно / очевидно, что** немцы гонят стадо скота.

Продуктивность отнесения тех или иных явлений к грамматике по критерию (i) определяется тем, помогает ли это непротиворечиво описать более крупный фрагмент грамматической системы. С этой точки зрения мы оценим статус двух конструкций: 1) дативно-предикативных структур со словом «категории состояния» [Поспелов 1955], 2) предложений без внешне выраженного субъекта типа *Улицу засыпало/и песком*, которые описывались как структуры с нулевым подлежащим [Мельчук 1995: 194; Zimmerling 2013b]. В качестве параллели привлекаются отдельные славянские и германские языки. Термин «конструкция» используется далее вне связи с постулатами об идиоматичности / некомпозициональности (соответствующая интерпретация возможна, но не обязательна) и понимается как «лексико-синтаксический шаблон, служащий для выражения заданного значения на базе некоторой группы лексики конкретного языка».

3. Дативно-предикативные структуры и имперсональные конструкции

3.1. История исследования

Всплеск интереса к дативно-предикативным словам типа <X-у> *холодно / стыдно / жаль* связан с гипотезой Л. В. Щербы [2008: 90–91] о том, что они служат ядром новой части речи, формирующейся в русском языке XIX–XX вв. — категории состояния (далее — КС). Дативно-предикативная структура обозначается далее сокращением ДПС, термин «конструкция ДПС» обозначает конструкцию с предикативом, допускающим ДПС. Перспектива выделения КС как части речи ниже не обсуждается, см. об этом [Циммерлинг 1998б].

Этапы формирования конструкции ДПС плохо изучены. Последователи Щербы представили становление КС как уникальный процесс, реализующийся в позднейший период истории русского языка [Виноградов 1947: 401–421; Исаченко 1955: 65]. Вопреки такой установке, были описаны предполагаемые слова КС в болгарском [Маслов 1981], чешском и украинском языках [Zatovkaňuk 1965]. Р. Мразек упоминает также предикативы ДПС в белорусском, польском, верхне- и нижнелужицком, словацком, болгарском, македонском, словенском и сербохорватском языках [Мразек 1987: 108–115]. Параллель к русским словам КС была найдена в древнеисландском языке [Циммерлинг 1998а: 77–83]. Конструкция ДПС на материале болгарского и русского языков рассмотрена в [Градинарова 2010а], на материале русского, древнеисландского и чешского — в [Циммерлинг 2010].

Глагольные конструкции с устранным субъектом — традиционный объект исторического синтаксиса, здесь дескриптивные работы на материале древних языков [Siebs 1910; Zubatý 1954] предшествовали формальным моделям. Ключевой момент — соотношение словаря и грамматики схем с устранным субъектом и наличие глаголов (при другом описании — пар глаголов), допускающих как личную, так и безличную схемы, ср. др.-русс. *X может* vs. \emptyset^{3SG} *может* ‘возможно’²:

(5) ДРЕВНЕРУССКИЙ

Тѣм же и из Руси \emptyset^{3SG} **может**_{3SG} ити по Волзѣ в Болгары и въ Хвалисы и на вѣсток доити въ жребии Симовъ (ПВЛ, л. 12).

В начале и середине XX в. упор делался на доказательство первичности безличной схемы или одинаковой древности личной и безличной схем для некоторого предикатного значения [Георгиева 1969], позже акцент сместился на объяснение того факта, что одни и те же грамматические отношения порождают личную и безличную схемы при реализациях одного и того же лексического значения глагола. Элегантное решение на материале русского языка предложил И. А. Мельчук, который постулировал для предложений типа (6а) нулевое подлежащее $\emptyset^{ELEMENTS}$ с ролевой и референциальной семантикой неопределенного агенса и признаком ‘– одушевленность’; набор признаков указывает на то, что производитель действия — стихийная сила. Для (6б), постулируется нулевое подлежащее \emptyset^{PEOPLE} с ролевой и референциальной семантикой неопределенного агенса и признаком ‘+ одушевленность’ [Мельчук 1995: 180].

- (6) а. $\emptyset^{ELEMENTS}$ Улиц-у_{ACC} засыпал-о_{3SG.N} песком. {+Agent; –Specific; –Anim}
 б. \emptyset^{PEOPLE} Улиц-у_{ACC} засыпал-и_{3PL} песком. {+Agent; –Specific; +Anim}

Значения признака ‘± одушевленность’ в (6) коррелируют с граммемами 3 л. ед. ч. и 3 л. мн. ч., поэтому нулевые элементы можно трактовать как дополнительно распределенные нулевые подлежащие местоимения в им. п., контролирующие число предиката [Zimmerling

² Символом \emptyset^{3SG} в (5) и далее обозначается нулевой субъект, требующий постановки предиката в 3 л. ед. ч.

2009]. Для древнерусского и древнеисландского языков такой анализ неприменим, так как форма 3 л. ед. ч. регулярно использовалась и для выражения значений типа (66) [Леков 1967; Циммерлинг 2002: 572–573]. Адаптация анализа И. А. Мельчука к нуждам типологии обсуждается в [Zimmerling 2007]. Ограничения на построение предложений с $\emptyset^{\text{ELEMENTS}}$ и ИГ в тв. п. рассмотрены в [Зорин 2011; Lavine 2014].

3.2. Конструкция ДПС: словарь без словарного описания?

В русском языке все предикативы ДПС также реализуются в схеме без внешне выраженного субъекта в дат. п. [Золотова 1982: 269], но конструкция ДПС задает контекст, где реализуются предикатные единицы, передающие совместимую с ней семантику, ср. *мне грустно, жарко*, но не иные значения, ср. невозможность **мне дождливо, пыльно, аморально* [Циммерлинг 1999: 224]. До сих пор не решен вопрос о том, воспроизводятся ли предикативы ДПС как готовые единицы словаря вместе с валентностью на дат. п. лица или же достраиваются в речи носителей языка по правилам семантической селекции. Хотя изучение КС началось с русского языка, репрезентативного словаря русских предикативов ДПС нет. Этот парадокс объясняется сомнениями лингвистов в том, указывать ли валентность на дат. п. лица в словаре или в грамматике, ср. [Бонч-Осмоловская 2015: 83]. Для ряда древних языков словари предикативов ДПС доступны. В [Циммерлинг 2002: 789–847] представлен словарь древнеисландских предикативов. Списки предикативов ДПС для старославянского и древнеболгарского языков приведены в [Ходова 1980: 240–253; Златанова 1990: 58–68].

Н. С. Поспелов [1955] первым выдвинул тезис о том, что предикативы ДПС образуют семантический класс. В [Циммерлинг 2016: 361; 2017в] эту гипотезу было предложено называть «гипотезой Поспелова». Гипотеза Поспелова отвергается в [Sperber 1972] и с оговорками принимается в [Селиверстова 1982: 131; Циммерлинг 1998а; Say 2013]. Если конструкция ДПС действительно выражает общее значение ‘состояние’ (что бы ни стояло за данным термином, ср. разные определения [Булыгина 1982: 33–40; Циммерлинг 2017б: 20–26]), логично допустить, что элементы, которые не употребляются в контексте *X-y <было> Z-во*, выражают иные значения [Циммерлинг 1999: 224; 2018]. Однако возникает вопрос, как носители русского языка распознают, что *противно* и *холодно* — предикаты состояния, а *пыльно* и *гневно* — нет. Есть два варианта ответа:

(iii) Все носители русского языка знают, что слова *противно* и *холодно* имеют валентность на дат. п. лица, слово *пыльно* ее лишено, а слово *гневно* не употребляется в позиции сказуемого.

Если аналогичная информация доступна для каждого несогласуемого элемента, конструкция ДПС полностью задается на уровне словаря.

(iv) Все носители русского языка воспроизводят часть предикативов ДПС как готовые словарные единицы, вместе с диагностической валентностью на дат. п. лица, а в остальных случаях пользуются одинаковыми правилами семантической селекции при порождении предикатов состояния.

В этом случае воспроизводство конструкции ДПС обеспечивается взаимодействием словаря и грамматики: ядро конструкции воспроизводится на уровне словаря, а правила селекции предикатов состояния относятся к грамматике, поскольку они действуют для открытых классов слов, включая окказионализмы.

3.3. Имперсональные конструкции: грамматика без словаря?

Нулевые подлежащие с ролевой семантикой $\emptyset^{\text{ELEMENTS}}$, $\emptyset^{\text{PEOPLE}}$ вводятся в модели «Смысл \leftrightarrow Текст» на основе соображений о нулевых знаках, опирающихся на критерий обязательности: отсутствие фонологически выраженного означающего в позиции подлежащего признается обязательным средством выражения значения ‘производитель действия, имеющий нереферентный статус’ [Mel’čuk 2006]. Столь же важно, что на нулевые подлежащие

распространяются некоторые признаки стандартных подлежащих, прежде всего — контроль согласовательной формы сказуемого [Mel'čuk 2014: 210; Циммерлинг 2012]. Данные критерии универсальны, с той лишь оговоркой, что проверка контролирующих признаков подлежащего затруднена в языках с бедной согласовательной морфологией. И. А. Мельчук выдвигает еще один довод: введение нулей $\emptyset^{\text{ELEMENTS}}$, $\emptyset^{\text{PEOPLE}}$ в (6) оптимально потому, что иначе придется признать «неоднозначность почти любого русского глагола, взятого в конкретном заданном лексическом значении, в 3 л. мн. ч. и 3 л. ед. ч.» и постулировать пары омонимов типа $X \text{ тащит}_{3\text{SG}} \sim \emptyset^{\text{ELEMENTS}} \text{ тащит}_{3\text{SG}}$, $X\text{-ы тащат}_{3\text{PL}} \sim \emptyset^{\text{PEOPLE}} \text{ тащат}_{3\text{PL}}$ [Мельчук 1995: 180–181]. Достаточен ли этот аргумент и отвлечены ли предложения с $\emptyset^{\text{ELEMENTS}}$, $\emptyset^{\text{PEOPLE}}$ от лексического наполнения в такой степени? Мы покажем, что ответ на оба вопроса должен быть отрицательным и что распределение данных схем — лексико-синтаксическое конструктивное свойство русской грамматики, сформировавшееся в результате комбинации селективных признаков.

3.3.1. Транзитивная безличная конструкция

Транзитивные безличные предложения передают информацию о неконтролируемом процессе, непосредственным объектом действия которого является участник, выраженный ИГ в вин. п., и задают модель управления: нулевой агент vs. ненулевой пациент. Русские переходные глаголы не допускают дериватов с $\emptyset^{\text{ELEMENTS}}$, но $\emptyset^{\text{ELEMENTS}}$ блокируется и при ряде переходных глаголов: 1) глаголах восприятия и знания, ср. $*\emptyset^{\text{ELEMENTS}}$ *узнало новый фильм*; 2) всех прочих глаголах, требующих одушевленного субъекта: $*\text{читало книгу}$, $*\text{ело пельмени}$, $*\text{обошло машину}$ и т. п. (в качестве «одушевленных» интерпретируются действия, которые могут быть осуществлены человеком и/или животным, ср. запрет на $*\text{Васю укусило в щеку}$; такая интерпретация характерна для категории одушевленности в русском языке в целом); 3) каузативах, даже если внешний каузатив не обязательно одушевлен [Zimmerling 2013a: 730–732]. Предикаты типа русск. $X \text{ утомил } Y\text{-а}$, $X \text{ уменьшил } Y\text{-а}$ трактуются как каузативы от $Y \text{ утомился}$, $Y \text{ уменьшился}$, несмотря на то что переходные глаголы в таких парах морфологически производны. Правильность этой трактовки подтверждается запретом на деривацию $*\text{Васю утомило на заседании}$, $*\text{Трицепс уменьшило в результате отсутствия тренировок}$.

Отмеченная И. А. Мельчуком двойственность построения имперсональных форм Ego_{ACC} всего $\emptyset^{\text{PEOPLE}}$ *исцарапал-и}_{3\text{PL}}* vs. Ego_{ACC} всего $\emptyset^{\text{ELEMENTS}}$ *исцарапал-о}_{3\text{SG,N}}*, касается ровно одного класса — переходных глаголов, не имеющих ограничения на одушевленность субъекта и не являющихся экспериенциальными и каузативными. В этом и только в этом случае русский глагол допускает обе имперсональные схемы: с одушевленным и с неодушевленным нулевым субъектом.

3.3.2. Дистрибуция конструкций

Конструкция с $\emptyset^{\text{PEOPLE}}$ возможна, если глагол требует или допускает одушевленный субъект. Экспериенциальные и каузативные глаголы дают дериваты с $\emptyset^{\text{PEOPLE}}$: *его* $\emptyset^{\text{PEOPLE}}$ *видели в субботу*, *его сильно* $\emptyset^{\text{PEOPLE}}$ *утомили*. Действия животных интерпретируются как производимые одушевленным субъектом. Сам критерий одушевленности для имперсональных схем одинаков, но диагностика дает противоположный результат: *его сильно* $\emptyset^{\text{PEOPLE}}$ *покусали* vs. $*\text{его сильно}$ $\emptyset^{\text{ELEMENTS}}$ *покусало*. $\emptyset^{\text{PEOPLE}}$ совместимо с переходными глаголами, требующими активного одушевленного субъекта, в том числе с глаголами на *-ся* в значении рефлексива, реципрока и антипассива: *в нашем детстве не* $\emptyset^{\text{PEOPLE}}$ *курили сигары*, *в этом отряде не* $\emptyset^{\text{PEOPLE}}$ *брились*, *у забора* $\emptyset^{\text{PEOPLE}}$ *целуются*, *в городе N искусно* $\emptyset^{\text{PEOPLE}}$ *ругаются матом*.

Необходимым условием употребления $\emptyset^{\text{PEOPLE}}$ является признак $\{+Anim\}$, то есть способность глагола в исходной диатезе сочетаться с одушевленным субъектом. Необходимым и достаточным условием употребления $\emptyset^{\text{ELEMENTS}}$ является комбинация признаков $\{-Anim\}$

и {-Caus}. Некаузативные глаголы с характеристикой {±Anim; -Caus}, которые в исходной диатезе сочетаются и с одушевленным, и с неодушевленным субъектом, допускают обе схемы. В русском языке нет переходных глаголов действия, требующих неодушевленного субъекта в исходной диатезе, поэтому для описания имперсональных конструкций с переходным глаголом достаточно различия {+Anim} vs. {±Anim}. Непереходные глаголы, требующие неодушевленного субъекта в исходной диатезе, имеются, ср. *искрить*, *затухать*, но на распределение имперсональных конструкций они не влияют: признак {-Anim} блокирует добавление $\emptyset^{\text{PEOPLE}}$, а {-Trans} — $\emptyset^{\text{ELEMENTS}}$. Фазовые глаголы *стать*, *начать*, *продолжить*, *закончить* имеют характеристику {±Anim; -Trans}. Конструкция с $\emptyset^{\text{PEOPLE}}$ в этом случае возможна (7), а конструкция с $\emptyset^{\text{ELEMENTS}}$ запрещена или сильно затруднена (8).

- (7) а. Котлованы, которые мы выкопали, назначены для газовой. Сегодня уже $\emptyset^{\text{PEOPLE}}$ **начали** {-Trans} **бетонировать** {+Trans} фундаменты [Василий Гроссман. Жизнь и судьба, ч. 1 (1960)].
- б. Сегодня $\emptyset^{\text{PEOPLE}}$ **продолжили** / **закончили** {-Trans} бетонировать фундаменты.
- (8) * $\emptyset^{\text{ELEMENTS}}$ **Продолжало** {-Trans} засыпать улицу снегом.

Распределение конструкций по классам русских глаголов показано в таблице 1.

Таблица 1

Имперсональные конструкции русского языка с нулевыми подлежащими в неактивных предложениях

Тип нулевого подлежащего	Согласованная форма	Переходность	Переходные {+Trans}				Непереходные {-Trans}		
		Экспериментальность	Экспериментальные	Неэкспериментальные			{-}		
		Каузативность	{-Caus}	Каузативные {+Caus}	Некаузативные {-Caus}			{-}	
		Одушевленность	{+Anim}	{±Anim}	{+Anim}	{±Anim}	{±Anim}	{-Anim}	
$\emptyset^{\text{ELEMENTS}}$	3 л. ед. ч.	-	-	-	+	-	-		
$\emptyset^{\text{PEOPLE}}$	3 л. мн. ч.	+	+	+	+	+	-		
Пример		<i>видеть, знать</i>	<i>уменьшать, утомить</i>	<i>есть, пить, читать, укусить</i>	<i>засыпать, ударить, оцарапать</i>	<i>стать, начать, курить</i>	<i>затухать, флюоресцировать</i>		

Данные позволяют сделать вывод о том, что распределение форм 3 л. ед. ч. и 3 л. мн. ч. в русских имперсональных конструкциях — грамматикализованный маркер противопоставлений лексико-семантических классов. Селективность конструкции с $\emptyset^{\text{ELEMENTS}}$ поддерживается запретом на употребление непереходных, экспериментальных, каузативных глаголов и глаголов, требующих одушевленного субъекта в исходной диатезе. Реализация $\emptyset^{\text{ELEMENTS}}$ при глаголах этих классов невозможна, зато возможна конструкция с $\emptyset^{\text{PEOPLE}}$. Введение в описание нулевых подлежащих с семантикой агенса оправдано, если $\emptyset^{\text{ELEMENTS}}$, $\emptyset^{\text{PEOPLE}}$ признаются членами бинарной оппозиции, противопоставленными по признаку '± одушевленность', и этот ряд не расширяется ad hoc. Вопреки [Мельчук 1995: 188], введение нулевых подлежащих с ролевой семантикой для безличных схем, не вовлеченных в противопоставление акциональных значений, ср. *светает, холодно, мне было холодно* и т. п., избыточно и не проясняет постановку предиката в 3 л. ед. ч.

3.3.3. Предикаты действия и не-действия

В двух случаях употребление $\emptyset^{\text{PEOPLE}}$ перекрывает различия акциональных классов: 1) допускается имперсональное построение экспериенциальных глаголов (9); 2) допускается имперсональное построение непереходных глаголов с инактивным субъектом. Глаголы *умирать*, *гибнуть* сами по себе не обозначают действий, но в имперсональной конструкции могут переосмысливаться как характеристики поступков, за которые X несет ответственность (10). В (11) $\emptyset^{\text{PEOPLE}}$ служит подлежащим глаголов *умирать* и *умерщвлять*, второй из которых является каузативом к первому.

- (9) В это время в Берлине уже $\emptyset^{\text{PEOPLE}}$ з н а л и, что Штирлиц — шпион.
- (10) — Только людей зря погубишь. — За свою землю $\emptyset^{\text{PEOPLE}}$ н е г и б н у т з р я. Ты трус [Алексей Иванов. Сердце Пармы (2000)].
- (11) Ибо где слава и честь — там $\emptyset^{\text{PEOPLE}}_i$ не умирают, ____i не умерщвляют; а где позор — там уж непременно умрут [В. В. Розанов. Легенда о Великом инквизиторе Ф. М. Достоевского (1893–1906)].

Контексты (9–11) показывают частичную автономность синтаксиса и лексической семантики.

3.4. Диахрония

Ограничения на построение дериватов переходных глаголов, позволяющие для большей части глагольной лексики считать имперсональные формы 3 л. ед. ч. и 3 л. мн. ч. дополнительно распределенными, сложились в истории русского языка поздно. Звучащий гротескно пример (12) может объясняться тем, что в XVIII в. глагол *укусить* применительно к насекомым интерпретировался как имеющий неодоушевленного субъекта. Появление примера (13) в «Слове о Полку Игореве» объясняется тем, что в древнерусский период не было запрета на безличное оформление экспериенциальных глаголов.

- (12) Потом услышал, что его_{ACC} очень больно $\emptyset^{\text{ELEMENTS}}$ укусило, почему проснувшись, увидел с великою радостью, что его был табун цел и на всякой кобылице множество было пчел [Сказка вторая о Иване-царевиче (1787)]³.
- (13) ДРЕВНЕРУССКИЙ
На Дунаи Ярославны_i глас_{ACC} $\emptyset^{3\text{SG}}_j$ слышитъ_j — зегзицею незнаемь рано кычать.
‘На Дунае можно услышать голос Ярославны, она голосит утром, словно неведомая кукушка’⁴.

Глагол *писати* регулярно воспроизводился в имперсональной конструкции с 3 л. ед. ч. в значении ‘в тексте написано’, ср. поздний пример:

- (14) СТАРОРУССКИЙ
А назади у выписи $\emptyset^{3\text{SG}}$ пишет: Воев[ода] князь Иван Щетинин (Акты хозяйства Б. И. Морозова, т. 2, № 485, 14 апреля 1660 г.).

Примеры употребления каузатива в имперсональной схеме с 3 л. ед. ч. есть в 1-й Новгородской летописи:

³ В [НКРЯ] есть еще два примера безличного деривата с *укусило*, в одном из них имитируется не-литературная речь.

⁴ Неясно, является ли принимаемое в [Зализняк 2007: 406] чтение строки 168 «Слова о Полку Игореве» без показателя *ся* исконным, но ввиду архаичности конструкции это вероятно.

ДРЕВНЕРУССКИЙ

- (15) Озеро_{ACC} Ø^{3SG} морози в ночь (1 НПЛ, л. 23., под 1143 г.), букв. ‘ночью озеро заморозил(о)’⁵;
- (16) зависть_{ACC} Ø^{3SG} въложи_{3SG.AOR} людьмь_{ДРАТ} на архиепископа Митрофана съ княземъ Мьстиславомъ и не даша ему правитися (1 НПЛ, л. 77об., под 1210 г.), букв. ‘зависть вложил(о) людям на М. и они не дали ему править’⁶.

В древнерусский период форма 3 л. ед. ч. использовалась в зоне имперсональной схемы с 3 л. мн. ч., обозначая действие, совершаемое неопределенным лицом или группой лиц. Для «Русской Правды» такой способ выражения был стандартным при описании действий гипотетического преступника⁷, форма 3 л. мн. ч. была возможна в тех же ситуациях:

ДРЕВНЕРУССКИЙ

- (17) Аже межю Ø^{3SG} перетнетъ бортьную, или ролеиную Ø^{3SG} разореть, или дворную тыномъ Ø^{3SG} перегородить межю, то 12 гривень продажи (РП, ст. 72);
- (18) Аже дубъ Ø^{3SG} подотнетъ знаменьныи или межъныи, то 12 гривень продажѣ (РП, ст. 73);
- (19) Аже Ø^{3PL}_i выбьютъ_i зубъ_i, а кровь Ø^{3PL}_j видятъ_j у него_k во ртѣ, а людьмь_{j/m} выльзуть_{j/m}, то 12 гривень продажѣ, а за зубъ гривна.
‘Если кому-то выбьют зуб, и кто-то заметит, что у пострадавшего во рту кровь, и найдутся свидетели произошедшего, то...’ (РП, ст. 68).

Вслед за А. А. Шахматовым употребления (13–14), (17–18) иногда называют неопределенно-личными [Ходова 1980: 262], а (15–16) — безличными. Для разделения этих случаев нет оснований, так как в древнерусском языке нет связи между какой-либо группой глагольной лексики и интерпретацией ‘событие инициировано внешней силой’. Использование тегов Ø^{PEOPLE} и Ø^{ELEMENTS} здесь избыточно, 3 л. ед. ч. в подобной системе не передает информации об отсутствии одушевленного субъекта. При описании стихийных процессов была возможна только схема с 3 л. ед. ч.

(20) СТАРУРУССКИЙ

На Пустоши де Покровском и на Северове погодою с кладей крышку_{ACC} Ø^{3SG} розбило (Акты хозяйства Б. И. Морозова, т. 2, № 323, 1652 г.).

С конца XVI — начала XVII вв. примеры типа (20) обычны для русских, украинских и белорусских памятников. (21) демонстрирует обе имперсональные схемы, см. 3 л. ед. ч. при экспериенциальном глаголе *ведет*, 3 л. мн. ч. при *не знали* и двусоставную схему в 1-й, 5-й и 6-й клаузах:

⁵ Глагол *морозити* переходный [Борковский, Кузнецов 1963: 388]. Ср. аналогичную конструкцию в древнескандинавских языках: др.-исл. *ísa_{ACC.PL} leysti_{3SG.PRT}* (букв.) ‘льды распустил(о)’.

⁶ Пример (16) неоднозначен. В предшествующей клаузе *зюдѣи испрѣва не хотя добра* слово *зюдѣи* может быть как им. п. ед. ч., так и им. п. мн. ч. В первом случае оно указывает на дьявола, при таком чтении *зюдѣи* интерпретируется как подлежащее глагола *въложи*. Во втором случае *зюдѣи* — смутьяны, которые не дали архиепископу М. править, тогда глагол *въложи* интерпретируется как безличный. Контекст допускает оба толкования.

⁷ Та же стратегия типична и для скандинавских уложений общинного права, при общем сходстве морфосинтаксических параметров древних скандинавских и древних славянских языков [Циммерлинг 2014: 227–229].

(21) СТАРОБЕЛОРУССКИЙ

сильный и великий гром_{НОМ} забил 12_{ACC} человек, а трех_{ACC} [л. 141] человек_к Ø^{PL}_і не нашли, не Ø^{3SG}_ј ведет_ј где ся подели_к, если вода_{НОМ} занесла albo песок_{НОМ} засыпал (Баркулабовская летопись, под 1585 г.).

‘...а трех человек так и не нашли, неизвестно (букв. ‘не знает’), куда они подевались...’

3.5. Онтология русских имперсональных конструкций

Имперсональные схемы в 3 л. ед. ч. и 3 л. мн. ч. соотнесены с прототипическими ситуациями: для Ø^{PEOPLE} это контролируемое действие, совершаемое неопределенной группой лиц, которые неизвестны говорящему или идентификация которых нерелевантна, для Ø^{ELEMENTS} — неконтролируемый процесс, совершаемый стихийной силой. Но сфера употребления обеих конструкций шире. Стоит разделить их семантический инвариант — устранение агенса, и онтологию, то есть набор контекстов, где устранение агенса не запрещено грамматикой. Непрототипические ситуации демонстрируют (22–23), что постулировать для ситуаций ‘X-а ударило молнией’ и ‘X-а ударило телом падающего на него сверху ребенка’ разные нулевые субъекты излишне.

(22) <И. спас девочку, падавшую на него с высоты>. Я ее поймал, но чуть не выронил. ... По словам Игропуло_і, его_{і ACC} Ø^{ELEMENTS} ударило так, что ключица потом еще ныла два дня (<https://ria.ru/incidents/20160805/1473740361.html>).

В (23) форма 3 л. мн. ч. использована в донесении об убийстве, где личность убийцы известна. Вначале сообщается о том, кто убил, затем говорится о характере раны: Ø^{3PL} и подлежащее предыдущего предложения формально некорреферентны.

(23) СТАРОРУССКИЙ

И того де Логинка троетцкой крестьянин Константинко; у себя на пиру убил; до смерти, голову_{ACC} топором Ø^{3PL}_ј раз рубили; (Акты хозяйства Б. И. Морозова, т. 2, № 497, 22 мая 1660 г.).

Семантически избыточные употребления имперсональных форм отмечены и в других языках, ср. [Выдрин 2014: 30] об осетинском.

3.6. Модель Б. Гавранка

Более 50 лет назад Б. Гавранек, вслед за А. Мейе и Й. Зубаты [Zubátý 1954: 443–453; 460–465], предположил, что в общеславянском языке не было разделения глагольной лексики на «личные» и «безличные» лексемы и что любая невозвратная глагольная форма в 3 л. ед. ч. могла встраиваться как в подлежащие, так и в бесподлежащие схемы без изменения лексического значения [Havránek 1962: 75–76]: примеры типа (7), (15–18) являются реликтом этого состояния, ср. [Ходова 1980: 265; Циммерлинг 2000в: 202]. Такой анализ представляет собой антитезу подходу И. А. Мельчука, который ввел нулевые подлежащие, чтобы избежать признания глагольных форм 3 л. синтаксически амбивалентными. Модель Мельчука подходит для языков типа русского и удачно описывает взаимодействие лексики и синтаксиса в двух имперсональных конструкциях, тяготеющих к дополнительной дистрибуции. Для древнерусского языка XI–XVII вв., где нет однозначного соответствия между ролевой семантикой, группой глагольной лексики и выбором граммем 3 л. ед. ч. ~ 3 л. мн. ч., эта модель работает хуже. Модель Б. Гавранка описывает языки, где лексическая семантика не играет роли при переходе от личной схемы к безличной. Реальным примером такого языка служит древнеисландский, где нет семантических ограничений при переходе к имперсональной схеме: безличные дериваты с устраненным субъектом дают все разряды глаголов [Циммерлинг 2002: 653–671]. В их числе оказываются экспериенциальные,

фазовые и каузативные глаголы [Там же: 656–659], то есть глаголы тех групп, которые несовместимы с $\emptyset^{\text{ELEMENTS}}$ в современном русском.

ДРЕВНЕИСЛАНДСКИЙ

- (24) *ok sá hvárig-an stafn frá öðr-um*
и видел.3SG.PRT никакой-ACC.SG штевень.ACC.SG от другой-DAT.SG

‘С одного штевня не было видно другого’, букв. ‘ \emptyset^{3SG} не видел ни один штевень с другого’.

- (25) *jarl setti dreyr-rauð-an*
ярл.ACC.SG сажать.3SG.PRT кровь-красный-ACC.SG

‘Ярл побагровел’, букв. ‘ярла \emptyset^{3SG} поставил красного как кровь’.

Древнерусский отличается от эталона в трех отношениях: 1) не все древнерусские тексты строятся так, что предложения с составом элементов (17–19) можно вне контекста однозначно трактовать как полные имперсональные конструкции; 2) употребления типа *пишет* клишированы и являются фразами; 3) круг выражаемых значений более ограничен по сравнению с древнеисландским языком. В остальном древнерусский больше соответствует модели Гавранка, чем модели Мельчука.

3.7. Словарная модель

Современный болгарский, согласно [Георгиев 1990; Иванова, Градинарова 2015: 179–189], является языком, где продуктивные модели элиминации субъекта связаны с производными формами глагола, используемыми в конструкциях причастного пассива, субъектного имперсонала (*Там се краде безнаказано* ‘Там воруют безнаказанно’, букв. ‘Там воруются...’) и декаузатива (*Две крушки се пръснаха* ‘две лампочки разорвало’, букв. ‘разорвались’), а имперсональные схемы с активной формой глагола в 3 л. ед. ч. непродуктивны и привязаны к жестко заданным лексико-семантическим областям, в пределах которых они выражаются небольшим числом лексем: «стихийная сила» (*духа, вее* ‘дует’, *вали* ‘идет дождь’; *свьяка* ‘сверкает молния’, *гърми* ‘гремит гром’, *напича* ‘припекает’), «источник звука, света или вкуса» (*в пресечката проблесна* ‘в перелуке <что-то> сверкнуло’), также \emptyset^{3SG} *има, няма* ‘(не) имеется’, \emptyset^{3SG} *потръгна* ‘сдвинулось’, *много* \emptyset^{3SG} *стана* ‘стало много’, \emptyset^{3SG} *може* ‘можно’, \emptyset^{3SG} *пише* в значении ‘текст гласит’, \emptyset^{3SG} *иска* в значении ‘требуется’. А. А. Градинарова заключает, что почти все болгарские безличные глаголы являются реликтами и могут быть отнесены к словарю или фразеосхемам [Градинарова 2010б: 56]. Имперсональная конструкция с активным глаголом в 3 л. мн. ч. частотна, но сфера ее распространения ограничивается конкурирующими с ней безагенсным пассивом и субъектным имперсоналом. По А. А. Градинаровой, имперсональная схема с 3 л. мн. ч. используется в параллельных текстах для передачи русских безличных предложений:

- (26) а. РУССКИЙ

Ох, не люблю я, когда с одной стороны $\emptyset^{\text{ELEMENTS}}$ грохочет_{3SG}, а с другой тихо (Ю. Семенов).

- б. БОЛГАРСКИЙ

Ох, как не обичам, когато от едната страна \emptyset^{3PL} гърмят_{3PL}, а от другата е тихо (перевод З. Найденова).

В (26а) форма 3 л. мн. ч. невозможна, так как русск. $\emptyset^{\text{ELEMENTS}}$ и $\emptyset^{\text{PEOPLE}}$ находятся в дополнительной дистрибуции. В болгарском языке \emptyset^{3PL} допустимо в контексте (26б), что объясняется экспансией схемы с 3 л. мн. ч. в зону, где процесс не инициируется одушевленным участником. Тем самым, болг. \emptyset^{3PL} нетождественно русск. $\emptyset^{\text{PEOPLE}}$. Транзитивная имперсональная конструкция с \emptyset^{3SG} в болгарском почти утрачена, что объясняют ужесточением

порядка слов и утратой падежной маркировки существительного в позициях подлежащего и дополнения [Георгиев 1990: 42–44].

3.8. Субъектная лабильность

Мы показали, что введенные в модели «Смысл \leftrightarrow Текст» нулевые подлежащие $\emptyset^{\text{ELEMENTS}}$ и $\emptyset^{\text{PEOPLE}}$ не являются иконическими знаками внеязыковых ситуаций, но отражают взаимодействие глагольной лексики и синтаксиса в двух конструкциях русского языка, тяготеющих к дополнительной дистрибуции. Противопоставление $\emptyset^{\text{ELEMENTS}}$ и $\emptyset^{\text{PEOPLE}}$ непереносимо на другие языки. Рассмотренные механизмы деривации относятся к области действия параметра субъектной лабильности, и разные группы фактов мотивируют разные модели. Модель Б. Гавранка представляет деривацию имперсональных схем как контекстно-свободный механизм, не связанный с выбором конкретного глагола и группы лексических значений: естественной областью применения этой модели оказываются древнескандинавские языки и отчасти древнерусский. Модель И. А. Мельчука описывает языки типа русского, где имперсональные конструкции продуктивны, но выбор каждой из них контекстно-обусловлен и семантически мотивирован. В болгарском переход к имперсональной схеме с 3 л. ед. ч. регулируется грамматикой лишь в минимальной степени: валентность на $\emptyset^{3\text{SG}}$ — словарно заданное свойство конкретных глагольных лексем, выражающих узкий круг предикатных значений.

Таблица 2

Взаимодействие лексики и грамматики имперсональных конструкций

Модель	Языки	Переход к имперсональной конструкции	Лексические ограничения	Онтология имперсональных конструкций	Форма 3 л. ед. ч. в имперсональной конструкции
Гавранка	др.-исл., ? др.-русс.	контекстно не задан	не мотивировано лексически	не ограничена	неоднозначна
Мельчука	русс.	контекстно задан	мотивировано лексически	не ограничена (для объединения предложений с $\emptyset^{\text{ELEMENTS}}$ и с $\emptyset^{\text{PEOPLE}}$), ограничена для каждой конструкции по отдельности	однозначна
Словарная	болг.	контекстно задан для $\emptyset^{3\text{SG}}$	мотивировано лексически	ограничена	однозначна

4. Предикативы ДПС: порождение, семантика, грамматика

Применим полученную методику для оценки вклада словаря и грамматики в воспроизводство конструкции ДПС. Уместно начать с разделения онтологии конструкции и ее инвариантного значения. Примем гипотезу о том, что инвариантом ДПС является значение внутреннего состояния [Циммерлинг 2018].

(v) Валентность на дат. п. лица отражает способность предикатива ДПС обозначать актуальные положения дел, соотносенные с референтным одушевленным субъектом в течение некоторого отрезка времени.

Значение (v) совместимо в русском языке с широким кругом денотативных ситуаций. В [Циммерлинг 2016: 365] предикативы ДПС отнесены к 15 тематическим классам, которые суммарно образуют онтологию конструкции. В рамках социолингвистического эксперимента [Циммерлинг 2017а] было отобрано 422 стимула, поделенных на основной и дополнительный списки. Тестировалось активное владение конструкцией ДПС с каждым стимулом: целью было определение объема класса предикативов ДПС в идиолектах 18 испытуемых, а также выяснение того, какое количество предикативов ДПС воспроизводится в качестве словарных единиц, а какое — порождается в речи по правилам грамматики.

Таблица 3

Тематические классы предикативов ДПС
(выделены предикативы неадеквативной морфологии)

№	Тематические классы денотативных ситуаций	Примеры	Стимулы осн. списка	Стимулы доп. списка
1	Физические состояния	<i>X-у холодно, плохо, НЕ ПО СЕБЕ</i>	27	10
2	Модальности	<i>X-у надо, неприлично, пора</i>	44	5
3	Эмоциональные состояния	<i>X-у грустно, НЕ ПО ДУШЕ</i>	57	24
4	Моральные оценки	<i>X-у стыдно, грех, так и надо</i>	16	0
5	Удобство исполнения	<i>X-у удобно, сподручно, по пути</i>	8	0
6	Уместность / неуместность	<i>X-у уместно, в САМЫЙ РАЗ</i>	13	2
7	Внутренняя потребность	<i>X-у НЕВМОГОТУ, ПОТРЕБНО</i>	7	2
8	(Не) соответствие задаче	<i>X-у ВПОРУ, жирно, слабо, ЛЕНЬ</i>	11	0
9	Трудность выполнения	<i>X-у сложно, трудно, нелегко</i>	10	4
10	(Не) желание выполнять	<i>X-у ОХОТА, НЕОХОТА, ВЛОМ</i>	9	1
11	Общая оценка	<i>X-у хорошо, плохо₂</i>	41	7
12	(Не) релевантность	<i>X-у важно, НАПЛЕВАТЬ</i>	16	4
13	Эффективность	<i>X-у вредно, полезно, БЕЗ ТОЛКУ</i>	6	1
14	Сенсорные и интеллектуальные реакции	<i>X-у видно, слышно, ясно, известно, любопытно</i>	25	12
15	Параметризуемый признак	<i>X-у темно, велико, по ПОЯС</i>	52	8
Всего			342	80

4.1. Актуальное значение

Для каждого предикатива ДПС при внешне выраженном дат. п. лица можно построить контекст, где реализуется значение (v). Добавление инфинитивной группы или придаточного само по себе не погашает актуальное значение. В то же время, предложения без дат. п. лица и с топикализованным инфинитивом, ср. *кататься — весело*, выражают значения иного типа [Булдыгина 1982: 32]. Реализация актуального значения при невыраженном субъекте в дат. п. является отдельной проблемой, которая в данной статье не рассматривается. Реализация фразем типа *не по душе* в дативно-номинативной конструкции с подлежащим в им. п. (*X-у Y-и не по душе*) может быть не связана с актуальным значением.

4.2. Ограничение на одушевленность

В русском языке есть структуры с дат. п., омонимичные ДПС. Одна из них — дативно-инфинитивная структура (далее — ДИС), где лексической вершиной является инфинитив.

(27) Грузовикам_{дат} здесь не проехать.

Модальный предикатив *надо* может вводить клаузу ДИС в качестве внутреннего аргумента. При одушевленной ИГ в дат. п. для *Васе надо поехать* возможна и интерпретация ДИС ‘надо [чтобы X поехал]’, и интерпретация ДПС ‘норма поведения заставляет X-а ехать’. При неодушевленной ИГ в дат. п. возможна только интерпретация ДИС [Циммерлинг 2016: 360].

(28) Пирог_{дат} надо остыть = надо [чтобы пирог остыл].

Подъем сентенциального аргумента в матричную клаузу допускается и в предложениях с *(по)казаться* [Циммерлинг 2017в], ср. *Это показалось мне сантиментально, приторно и неумно* [А. П. Чехов. Огни (1888)], при запрете на **мне сантиментально*.

Структура, омонимичная ДПС, возникает при неуправляемой форме дат. п. В (29) *грязно ему там* выражает значение ‘X, видите ли, считает, что там грязно’, ср. запрет на ДПС **мне тут грязно*.

(29) Первое дело из подвала сюда взгромоздился. **Грязно ему**, видите ли, там [П. С. Романов. В темноте (1923)].

При нарушении условия одушевленности семантика предложения не соответствует значению актуального признака, предписываемому (v).

4.3. Объем словаря предикативов ДПС

По итогам эксперимента [Циммерлинг 2017а] средний объем класса предикативов ДПС в русском языке составил 244 единицы. Оценка подтверждается двумя мерами. Уровень в 244 стимула (71,3 % основного списка анкеты) соответствует нижней медиане выборки, отражающей объем класса ДПС в 18 идиолектах. Почти идентичный показатель (245 единицы) дает рейтинг одобрения стимулов анкеты (т. н. рейтинг Socio): этому числу соответствует та часть стимулов основного списка, которую одобрили более 50 % испытуемых. Данные согласуются с результатами корпусного анализа. Была создана выборка включенных в анкету эксперимента предикативов ДПС, отражающая их частотность в основном корпусе [НКРЯ] на расстоянии $<-1; 1>$ между предикативом ДПС и субъектным местоимением 1 л. ед. ч. в дат. п. (т. н. *мне-мера*). Высокочастотные предикативы обычно имеют высокий рейтинг одобрения; отклонения связаны с тем, что некоторые устаревшие употребления, например *мне возможно, надобно*, были частотны в XIX в. Все стимулы были распределены на 11 частотных классов по показателю *m*, отражающему число клауз ДПС в контексте *мне Z-во ~ Z-во мне*: 7 стимулов с наивысшим рейтингом одобрения (18 из 18) попало в частотный класс I ($m > 1000$), а 17 из 20 стимулов, которые не одобрил никто из испытуемых — в класс XI ($m = 0$).

Результаты показывают, что около 30 % включенных в тестовую анкету предикативов не являются для идиолектов общими и отсутствуют в активном словаре у половины испытуемых. Лишь около 60 % (145–146 предикативов из 244–245 в среднестатистическом идиолекте русского языка) относятся к словарю, а остальные представляют собой грамматическое расширение конструкции. Остается показать, как происходит селекция предикативов ДПС в условиях частичного несовпадения словаря ДПС у говорящих.

4.4. Семантическая селекция

Вслед за [Циммерлинг 2000б] примем, что конструкции ДПС в модельном идиолекте русского языка соответствует закрытый и строго конечный набор значений, а в идиолектах говорящих им могут соответствовать нетождественные ряды лексем. Каждому тематическому классу $T_1 \dots T_n$ соответствует набор значений $M^a, M^b \dots M^i$, которые выражаются

Таблица 4

Соотношение ранжированных выборок эксперимента и выборки [НКРЯ] по *мне-мере* для 422 предикативов ДПС (по основному и дополнительному списку анкеты)

		Частотные классы											
		I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	
		> 1000	400–1000	200–399	100–199	50–99	20–49	10–19	5–9	2–4	1	0	
Рейтинг Socio	16–18 баллов (137)	7	16	14	13	19	15	17	9	12	7	8	137
	13–15 баллов (70)	0	0	2	3	3	6	14	8	17	1	17	70
	9–12 баллов (70)	0	1	1	1	1	3	2	11	12	17	21	70
	≥ 8 (145)	0	0	0	1	1	2	4	8	18	19	92	145
		7	17	17	18	24	26	37	36	59	44	137	422
		Высокочастотные предикативы (146)							Средне-частотные предикативы (95)		Низко-частотные предикативы (181)		

квазисинонимическими рядами. Каждому значению типа M^a , ср. значение ‘X не желает делать P’, в конструкции ДПС соответствует ряд лексем $a_1, a_2, \dots, a_k \in \{a\}$, например *X-у лень, неохота, влом* и т. п. Новое или необщепринятое употребление, ср. разг. *X-у лениво*, которое отсутствует в активном словаре части говорящих, интерпретируется или как 1) добавление новой лексемы к ряду, закрепленному за уже имеющимся значением M^a , или как 2) добавление нового значения M^k к набору значений, присущих классу T_k , или как 3) отступление от принципов функционирования всей конструкции ДПС в эталонном идиолекте. Анализ показал, что в большинстве случаев реализуется первый сценарий.

4.5. Производящие основы предикативов ДПС

Большинство предикативов ДПС образованы от основ кратких прилагательных на *-o/-e*. От этих же основ в большинстве случаев образуются наречия на *-o*. В русистике обсуждалась перспектива перехода от наречий к КС, хотя вторичность непредикативного употребления не была доказана, ср. [Циммерлинг 1998а: 74]. По нашему мнению, соотношение коррелятивных наречий и предикативов на *-o* менее важно, чем статус производящих основ предикативов ДПС: появление новых единиц в общем случае связано не со вставкой наречий в контекст $\langle X-у Z-во \rangle$, а с расширением круга основ, от которых образуются элементы, соответствующие критерию (v). Данный подход не является совершенно новым — близкие идеи в 1870-е гг. высказывал А. В. Попов, но апробирован он был лишь в последние десятилетия [Циммерлинг 1998а; Say 2013]. Выделяется класс основ, от которых в некоторый момент развития русского языка не образуются предикативы (тип I, актантно-поляризованные основы), ср. *стыдн-, совестн-, можн-*; класс основ, от которых образуются только предикативы (тип III, ситуативно-поляризованные основы), и класс основ, от которых образуются как предикаты свойства, так и предикаты актуализованного признака, *грустный X ~ X-у грустно* (тип II, амбивалентные основы). То же различие можно распространить и на неадъективные предикативы, при этом в класс II попадут основы, которые разрешают и ДПС, и дативно-номинативную схему *X-у Y-и Z-вы*, ср. *по душе*, а в класс III — основы, которые допускают только ДПС (ср. невозможность **мне они жаль / все равно*).

Таблица 5

Типы производящих основ предикативов ДПС в русском языке

		Семантика		
		Тип I: актантно-поляризованные основы	Тип II: амбивалентные основы	Тип III: ситуативно-поляризованные основы
Морфосинтаксис	А. Адъективные основы	<i>желт-; пыльн-; аморальн-, алогичн-; гневн-, зло-; стыдлив-</i>	<i>нужн-, грустн-</i>	<i>стыдн-; совестн-; можн-</i>
	В. Неадъективные основы	(...)	<i>по силам, по душе, некстати</i>	<i>жаль, пора, надо, нельзя, наплевать; невдомек; все равно; некогда</i>

Главным ресурсом расширения словаря ДПС служит переход АI → АII. В 1800–1850 гг. [НКРЯ] фиксирует около 200 предикативов ДПС, к 1900 г. их уже более 300, а в современном языке — не менее 400. Переход АI → АII иллюстрируется употреблениями *X-у слабó, жирно, лениво*, которые характерны для речи определенных поколений [Циммерлинг 2010: 554]. Переход АII → АIII редок, ср. *стыдно, совестно, боязно* при ?*стыдный, ?совестный, *боязный* [Циммерлинг 1998а: 73]. Переход ВII → ВIII более обычен. В XIX в. *невдомек, невтерпеж, невоготу* употреблялись не только в ДПС, но и в схеме *У-и X-у были Z-ы*.

(30) — Невдомек мне (X), глупой, ваши умные речи (Y), — сказала Аксинья Захаровна [П. И. Мельников-Печерский. В лесах. Книга первая (1871–1874)].

Под рубрику ВII → ВIII можно подвести также смену модели согласования при размежевании предикатива и его субстантивного источника, отражающиеся в смене модели согласования: *X-у была (крайняя) неохота делать P → X-у было очень неохота делать P* и т. п.

4.6. Актантно-поляризованные основы как типологический параметр

Сторонники гипотезы о КС особое значение придавали наличию основ типа АIII (*стыдн-, можн-*) и ВIII (*надо, жаль*), но внешние параллели показывают, что специфика русского языка определяется сохранением актантно-поляризованных основ (АI).

4.6.1. Предикативы ДПС в древнеисландском языке

Древнеисландский и русский языки имеют сходный морфосинтаксис. В древнеисландском есть две серии прилагательных, в том числе так называемые сильные (неатрибутивные): окончание ср. р. ед. ч. им.-вин. п. сильных прилагательных *-t* функционально соответствует окончанию *-o* в ср. р. ед. ч. им.-вин. п. славянских кратких прилагательных. В конструкции ДПС позицию связки занимают *vera* ‘быть’, *verða* ‘становиться’ и глаголы со значением ‘казаться’. Предикативы могут иметь адъективную, именную, наречную и причастную морфологию, а также строиться по модели супина (незалоговой несклоняемой формы причастия II). Большинство предикативов — композиты и аффиксальные слова [Циммерлинг 1998а: 78]. Основ типа АIII, ВIII, не соотнесенных со словоизменительными парадигмами, больше, чем в русском: объем класса предикативов ДПС, отвечающих данному критерию, в памятниках XIII–XV вв. составил 476 единиц по данным [Циммерлинг 2002: 809–846]. Общий объем словаря ДПС превышает 1000 единиц. Древнеисландская конструкция ДПС имеет неограниченную онтологию и позволяет при помощи словосложения описать любую денотативную ситуацию, ср. *hugkvæmt* ‘X-у пришло на ум’, букв. ‘наумвходно’, *eldiviðarvált* ‘X-у не хватает хвороста’, букв. ‘малохворостно’ и т. п. [Циммерлинг 2002: 627–628]. Конструкция ДПС выражает то же базовое значение, что и в русском и,

с одной оговоркой, соответствует критерию (v): древнеисландские предикативы ДПС реализуются и в двусоставном предложении, благодаря наличию регулярных парафраз *X-у было Z-во* ⇒ *X имел / получил / сделал Z-во* [Там же: 618]. В одном и том же эпизоде саги значение ‘X-у не хватило хвороста’ передается и ДПС (31а), и эквивалентной ей двусоставной схемой (31б), представлена также схема без семантического субъекта (31в).

(31) ДРЕВНЕИСЛАНДСКИЙ

а. *þviat mat-svein-um varð eldiviðar-fá-tt* (М 15-200)

ибо еда-парень-DAT.PL стать.PRT.3SG хворост-мало-SG.N

‘ибо поварам не хватало хвороста’, букв. ‘стало малохворостно’.

б. *mat-svein-ar Gaut-s höf-ð-u eldiviðar-fá-tt* (М 15-199)

еда-парень-NOM.PL Гаут-GEN иметь-PRT-3PL хворост-мало-SG.N

‘Поварам Гаута не хватало хвороста’, букв. ‘имели малохворостно’.

в. *þar var fá-tt til eldivið-ar* (МН 15-198)

там было.PRT.3SG мало-SG.N к хворост-GEN.SG

‘там было плохо с хворостом’.

В такой системе действует регулярный механизм актантной деривации, позволяющий из структуры (31в) ‘В месте W Z-во’ (ср. Z = ‘пыльно’, ‘солнечно’, ‘мало хвороста’) получать структуры типа (31а–б) ‘X-у Z-во / X имеет Z-во’. Поэтому между внешними состояниями (параметрами локуса) и внутренними состояниями человека нет четкой грани, условие одушевленности субъекта предикатива ДПС не важно. В силу этого валентности на дат. п. лица не является для конкретного предикатива диагностической. Древнеисландская конструкция ДПС регулируется правилами грамматики и в минимальной степени зависит от словаря в период, когда значительную часть предикативов составляют окказионализмы вроде *eldiviðarvát* ‘малохворостно’.

4.6.2. Чешский язык

Чешский язык в плане грамматики и словаря ДПС отстоит от русского дальше, чем древнеисландский, так как система краткого прилагательного в нем разрушена. Пережиточно сохраняющиеся краткие прилагательные, которые возможны в согласуемой позиции, ср. *bohat, podoben, klíden, mrzut*, не коррелируют с предикативами, а единичные предикативы с финалью -o, которые возможны в ДПС, например *nevolno od žaludku* ‘X-у муторно’, не коррелируют с согласуемыми краткими прилагательными. Конструкция ДПС обслуживается 15–20 элементами, среди которых выделяются исконно несклоняемые предикативы *lito* ‘жаль’, *zapotřebí* ‘нужно, требуется’, ср. также *hanba* ‘стыдно’, *zima* ‘холодно’, наречия на -ě, ср. *trapně* ‘неловко’, *příjemně* ‘радостно’ и на -e, ср. *dobře* ‘хорошо’, *lehce* ‘легче’ [Zatovkaňuk 1965], а также фраземы *do Z-u*, ср. *Je / není mi do smíchu* ‘мне (не) до смеху’ [Мразек 1987: 114]. Если в древнеисландском нет актантно-поляризованных производящих основ признаков слов (тип А1), то в чешском нет амбивалентных основ (АП, ВП), в силу чего пополнение класса предикативов ДПС невозможно [Циммерлинг 2010]. Чешская конструкция ДПС должна быть отнесена к словарю, а не к грамматике, употребления предикативов фразеологизованы: *lito* ‘жаль кого-л.’ допускает конструкцию ДПС, *je mi vás velmi lito* ‘мне вас очень жаль’, а *škoda* ‘жаль, что P’ допускает схему без дат. п. *je škoda, že* ‘жаль, что P’, но не ДПС: **je mi škoda, že*.

4.6.3. Болгарский язык

Имеющиеся описания [Градинарова 2010а] свидетельствуют о том, что болгарская конструкция ДПС сходна с русской. Особенностью болгарского языка является обязательное маркирование субъекта предикатива ДПС клитикой дат. п., при контактном положении

клитики уровня предложения и предикатива. По предварительным данным, общее количество элементов, обслуживающих конструкцию ДПС, меньше, чем в русском, но превышает две сотни. При этом болгарская конструкция ДПС имеет более широкую онтологию: представлены те же 15 тематических классов, что в русском, и несколько классов, не покрываемых онтологией русской конструкции. Выделяется класс, которые можно назвать псевдозомогивами: его элементы переносят в сферу одушевленного субъекта значения, которые в русском языке ассоциируются с актантно-поляризованными основами, ср. русск. *черный, синий, нежный X* vs. болг. *черно, сиво, нежно ми е*, букв. ‘мне черно, серо, нежно’. Еще один класс, отсутствующий в русском, — активные свойства субъекта, ср. болг. *ядно, гневно, злобно ми е* ‘я сержусь, испытываю злобу, гнев’. Наконец, болгарская конструкция ДПС, в отличие от русской, но аналогично древнеисландской, допускает употребления несогласуемых незалоговых форм причастий на *-н*, *-т* и *-л*, ср. *уморено* ‘X чувствует себя утомленным’, *отпадало* ‘У X-а нет сил’, *объркано* ‘X растерян, смущен’, *приповдигнато* ‘X чувствует себя приподнято’, а также формы на *-що*, *объркващо* ‘X растерялся’. Тем самым болгарская конструкция ДПС менее селективна, чем русская, и не блокирует переход актантно-поляризованных основ в разряд амбивалентных (AI → AII). Болгарский занимает на шкале грамматикализации ДПС промежуточное положение между русским и древнеисландским.

4.6.4. Старославянский и древнерусский языки

Словарь предикативов ДПС на начало письменной истории русского языка не установлен. Лакуны частично восполняют описания старославянских предикативов. При этом почти все известные по старославянским памятникам употребления ДПС фиксируются и в церковнославянских русских текстах. Для старославянского канона К. И. Ходова указывает 40 предикативов ДПС [Ходова 1980: 240–253], с учетом древнеболгарского Р. Златанова расширяет этот список до 60 единиц [Златанова 1990: 58–68]. Словарь [СРЯ 1975] не использует пометы ‘предикатив’, но фиксирует часть употреблений в статьях о прилагательных и наречиях. Мы изучили группу текстов, начиная с грамот XI в. и заканчивая сочинениями И. Т. Посошкова (по 1724 г.). Объем класса предикативов ДПС в просмотренных текстах составил более 170 единиц. Максимальное количество разных предикативов ДПС у одного автора зафиксировано у И. Т. Посошкова (75 единиц). Онтология конструкции ДПС имеет близкий к современной вид, хотя значения тематического класса 12 (*X-у важно / все равно*) обнаружить не удалось. Имеются употребления, выходящие за пределы онтологии современной русской конструкции. Так, Иван Грозный и Курбский используют предикативы, обозначающие активные свойства, ср. *И што было про Собакина, для моего слова, на Шереметевых мне гневно, ино то в миру отдано* (Грозный); *но нам было, яко изнемоглым от гладу, благодарно* (Курбский). В контексте *как ему жити покойно в келий, а монастырю безмятежно будет* (Грозный) *безмятежно* передает значение ‘в монастыре не будет мятежа’, но одновременно и значение ‘жители монастыря будут пребывать в безмятежности’: такое наложение значений внутреннего и внешнего состояний более характерно для древнеисландского, чем для современного русского. Аналогичное наложение двух значений *послушно* ‘Y-и слушаются X-а’ и ‘X доволен тем, что в стране нет мятежа’ возникает в контексте *А еже убо нам послушно и покойно, сия умоляхуся* (Грозный). Словообразовательную и семантическую структуру, характерную для древнеисландских композитов, демонстрируют *X-у нехотно* ‘X не имеет права входить’, *душеполезно, душевредно и душегубно*. Если бы подобные употребления стали регулярными, можно было бы говорить об эволюции русской конструкции ДПС в сторону болгарского или даже древнеисландского языка.

4.7. Типологическая шкала

Рассмотренные факты грамматикализации конструкции ДПС в пяти языках образуют континуум. На одном полюсе шкалы — древнеисландский язык, где связь между значением

актуального признака и набором схем с несогласуемым предикативом устанавливаются правилами синтаксиса, а ДПС — лишь одна из схем, где возможна реализация предикатива. В языке такого типа условие одушевленности не играет роли, а наличие валентности на дат. п. лица в минимальной степени зависит от выбора конкретной лексемы. Система подобного типа ориентирована на производство большого числа предикативов, включая окказионализмы, а конструкция ДПС имеет неограниченную онтологию. В древнеисландском все основы признаков слов являются либо амбивалентными, либо ситуативно-поляризованными: от последних образуются только предикативы. На другом полюсе находится чешский язык, где предикативы ДПС представлены закрытым классом элементов, определенным на уровне словаря, связь адъективных предикативов с основами прилагательных нарушена, амбивалентных производящих основ нет. В русском и болгарском класс предикативов ДПС продуктивен и сохраняется тернарное различие производящих основ. Объем класса предикативов ДПС в русском языке на данный момент больше, чем в болгарском, но онтология болгарской конструкции шире. В русском языке появление новых предикативов ДПС связано не с освоением новых лексических значений, а с ротацией лексем внутри квазисинонимических рядов. Древнерусский в какие-то периоды своего развития демонстрировал и иные механизмы расширения словаря ДПС, характерные для менее селективных языков — болгарского и древнеисландского.

Таблица 6

Словарь и грамматика конструкции ДПС

	др.-исл.	болг.	русск.	др.-русск.	ст.-слав.	чешский
класс предикатов ДПС	открытый	открытый	открытый	открытый	ограниченно открытый	закрытый
онтология ДПС	универсальная	расширенная	<стандартная>	суженная	ограниченная	ограниченная
актантно-поляризованные основы	–	+	+	+	+	+
амбивалентные основы	–	+	+	+	(+)	–
валентность на дат.п. лица задана в словаре ДПС	–	+	+	+	+	+
валентность на дат.п. лица задана правилом синтаксиса	+	+	+	+	+	–
новые лексические значения на базе конструкции ДПС	+	+	(–)	(+)	(–)	–
предикативы ДПС в схеме без дат.п.	+	(+)	+	+	+	(+)
предикативы ДПС в переходном предложении	+	–	–	(+)	(+)	(+)

5. Выводы

Конструкции с общей базовой семантикой могут в разной степени зависеть от лексического наполнения. По отношению к имперсональным схемам с глаголом в 3 л. и дативно-предикативным структурам с несогласуемым предикативом русский язык занимает промежуточное положение между языками типа древнеисландского, где употребление данных конструкций грамматикализовано, и случаями полной лексикализации схем с предикативом (чешский язык) и глагольным имперсоналом с активной формой глагола в 3 л.

ед. ч. (болгарский язык). Исторически сложившаяся в русском языке дистрибуция двух имперсональных схем отражает сложное взаимодействие лексики и синтаксиса в рамках противопоставлений нескольких групп глагольной лексики. Ключевым фактором употребления дативно-предикативных структур является тернарное противопоставление производящих основ признаков слов и сохранение основ, от которых образование предикатов внутреннего состояния затруднено или невозможно. Пополнение класса предикативов ДПС в русском языке связано с ротацией лексем в рамках квазисинонимических рядов предикативов, а не с расширением онтологии конструкции. В других языках ограничение на одушевленность семантического субъекта менее значимо, что подтверждается наличием лексем, совмещающих значения внешнего состояния 'в локусе L Z-во' и значения сферы одушевленного субъекта 'X-у было Z-во', а также употреблениями имперсональных схем в непрототипических для них ситуациях. Тем самым структура лексического значения единиц, ориентированных на определенные конструкции, в известной степени моделируется активными процессами в синтаксисе.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ACC — винительный падеж	∅ ^{3SG}	— нулевое подлежащее, контролирующее форму глагола в 3 л. ед. ч.
AOR — аорист		
CAUS — каузатив	∅ ^{3PL}	— нулевое подлежащее, контролирующее форму глагола в 3 л. мн. ч.
CL — клитика		
DAT — дательный падеж	∅ ^{ELEMENTS}	— нулевое подлежащее с семантикой неопределенного неодушевленного агенса
FE — фактативная энклитика		
HAB — хабилятив	∅ ^{PEOPLE}	— нулевое подлежащее с семантикой неопределенного одушевленного агенса
IMP — императив		
NOM — именительный падеж	ДИС	— дативно-инфинитивная структура
PL — множественное число	ДПС	— дативно-предикативная структура
PRT — претерит	КС	— категория состояния
RES — результатив	ПВЛ	— Повесть временных лет
SG — единственное число	1 НПЛ	— Новгородская первая летопись старшего извода
]AFF — аффикс		
]R — основа		
↓X — вставка эндоклиники		

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Апресян и др. 2010 — Апресян Ю. Д., Богуславский И. М., Иомдин Л. Л., Санников В. З. Теоретические проблемы русского синтаксиса. Взаимодействие грамматики и словаря. М.: Языки славянских культур, 2010. [Apresjan Yu. D., Boguslavsky I. M., Iomdin L. L., Sannikov V. Z. *Teoreticheskie problemy russkogo sintaksisa. Vzaimodeistvie grammatiki i slovarya* [Theoretical problems of the Russian syntax. Interaction of grammar and vocabulary]. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2010.]
- Аркадьев 2016 — Аркадьев П. М. К вопросу об эндоклиниках в русском языке // Циммерлинг А. В., Лютикова Е. А. (ред.). Архитектура клаузы в параметрических моделях: синтаксис, информационная структура, порядок слов. М.: Языки славянской культуры, 2016. С. 325–331. [Arkadiev P. M. On endoclitics in Russian. *Arkhitektura klauzy v parametriceskikh modelyakh: sintaksis, informatsionnaya struktura, poryadok slov*. Zimmerling A. V., Lyutikova E. A. (eds.). Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2016. Pp. 325–331.]
- Бондарко 2010 — Бондарко А. В. О типах категорий в системе грамматики // Выдрин В. Ф., Дмитренко С. Ю., Заика Н. М. Проблемы грамматики и типологии. Сб. ст. памяти В. П. Недялкова. М.: Знак, 2010. С. 59–76. [Bondarko A. V. On types of categories in the system of grammar. *Problemy grammatiki i tipologii. Sb. st. pamyati V. P. Nedyalkova*. Vydrin V. F., Dmitrenko S. Yu., Zaika N. M. (eds.). Moscow: Znak, 2010. Pp. 59–76.]
- Бонч-Осмоловская 2015 — Бонч-Осмоловская А. А. Квантитативные методы в диахронических корпусных исследованиях // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Вып.

- 14 (21). Труды международной конференции “Диалог-2015”. М.: РГГУ, 2014. С. 80–94. [Bonch-Osmolovskaya A. A. Quantitative methods in diachronic corpus-based studies. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii. Trudy mezhdunarodnoi konferentsii "Dialog-2015"*. No. 14 (21). Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 2014. Pp. 80–94.]
- Борковский, Кузнецов 1963 — Борковский В. И., Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка. М: Наука, 1963. [Borkovskii V. I., Kuznetsov P. S. *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka* [Historical grammar of Russian]. Moscow: Nauka, 1963.]
- Булыгина 1982 — Булыгина Т. В. К построению типологии предикатов в русском языке // Селиверстова О. Н. (ред.). Семантические типы предикатов. М.: Наука, 1982. С. 7–85. [Bulygina T. V. Towards a typology of predicates in Russian. *Semanticheskie tipy predikatov*. Seliverstovova O. N. (ed.). Moscow: Nauka, 1982. Pp. 7–85.]
- Виноградов 1947 — Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.-Л.: Учпедгиз, 1947. [Vinogradov V. V. *Russkii yazyk. Grammaticheskoe uchenie o slove* [The Russian language. Grammatical theory of word]. Moscow; Leningrad: Uchpedgiz, 1947.]
- Выдрин 2014 — Выдрин А. П. Специализированный имперсонал в осетинском языке: к типологии имперсональности в иранских языках // Вопросы языкознания. 2014. № 3. С. 20–33. [Vydrin A. P. Dedicated impersonal in Ossetic: Towards a typology of impersonality in Iranian languages. *Voprosy Jazykoznanija*. 2014. No. 3. Pp. 20–33.]
- Георгиев 1990 — Георгиев И. Безличные предложения в русском и болгарском языках. София: Народна просвета, 1990. [Georgiev I. *Bezlichnye predlozheniya v russkom i bolgarskom yazykakh* [Impersonal sentences in Russian and Bulgarian]. Sofia: Narodna Prosveta, 1990.]
- Георгиева 1969 — Георгиева В. Л. Безличные предложения на материале древнейших славянских памятников (особенно старославянских) // Slavia. 1969. Vol. 38. № 1. Pp. 63–90. [Georgieva V. L. Impersonal sentences in the earliest Slavic manuscripts (mostly Old Slavonic). *Slavia*. 1969. Vol. 38. No. 1. Pp. 63–90.]
- Градинарова 2010а — Градинарова А. А. Безличные конструкции с дательным субъекта и предикативом на -о в русском и болгарском языках // Болгарская русистика. 2010. № 3–4. С. 34–55. [Gradinarova A. A. Impersonal constructions with dative subject and predicative ending in -o in Russian and Bulgarian. *Bolgarskaya rusistika*. 2010. No. 3–4. Pp. 34–55.]
- Градинарова 2010б — Градинарова А. А. Фрагменты болгарско-русского сопоставительного синтаксиса. София: Eurasia Academic Publishers, 2010. [Gradinarova A. A. *Fragmenty bolgarsko-russkogo sopostavitel'nogo sintaksisa* [Fragments of Bulgarian–Russian comparative syntax]. Sofia: Eurasia Academic Publishers, 2010.]
- Гладкий, Мельчук 1969 — Гладкий А. В., Мельчук И. А. Элементы математической лингвистики. М.: Наука, 1969. [Gladkii A. V., Mel'čuk I. A. *Elementy matematicheskoi lingvistiki* [Elements of mathematical linguistics]. Moscow: Nauka, 1969.]
- Гращенко 2016 — Гращенко П. В. Морфология — взгляд из синтаксиса // Вопросы языкознания. 2016. № 6. С. 7–35. [Grashchenkov P. V. Morphology — a view from syntax. *Voprosy Jazykoznanija*. 2016. No. 6. Pp. 7–35.]
- Зализняк 1967 — Зализняк А. А. Русское именное словоизменение. М.: Наука, 1967. [Zalizniak A. A. *Russkoe imennoe slovoizmenenie* [Russian nominal inflection]. Moscow: Nauka, 1967.]
- Зализняк 2007 — Зализняк А. А. “Слово о полку Игореве”: Взгляд лингвиста. 2-е изд., доп. М.: Языки славянской культуры, 2007. [Zalizniak A. A. «*Slovo o polku Igoreve*»: *Vzglyad lingvista* [«The Lay of the Host of Igor»: A linguist's point of view]. 2nd ed., enlarged. Moscow: Yazyki Slavjanskoj Kul'tury, 2007.]
- Златанова 1990 — Златанова Р. Структура на простото изречение в книжовния старобългарски език. София: УИ “Св. Климент Охридски”, 1990. [Zlatanova R. *Struktura na prostoto izrechenie v knizhovniya starob'lgarski ezik* [The structure of the simple sentence in the literary Old Bulgarian language]. Sofia: St. Clement of Ochrid Univ. Publ., 1990.]
- Золотова 1982 — Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М.: Наука, 1982. [Zolotova G. A. *Kommunikativnye aspekty russkogo sintaksisa* [Communicative aspects of the Russian syntax]. Moscow: Nauka, 1982.]
- Зорин 2011 — Зорин Р. А. Семантические факторы реализации формы творительного падежа в конструкции типа ПОСЕВЫ ПОБИЛО ГРАДОМ. Дисс. ... канд. филол. наук. М.: МГУ, 2011. [Zorin R. A. *Semanticheskie faktory realizatsii formy tvoritel'nogo padezha v konstruktsii tipa POSEVY POBILO GRADOM*. *Kand. diss.* [Semantic factors of the instrumental form in the construction of the type POSEVY POBILO GRADOM. Cand. diss.]. Moscow: Moscow State Univ., 2011.]

- Иванова, Градинарова 2015 — Иванова Е. Ю., Градинарова А. А. Синтаксическая система болгарского языка на фоне русского. М.: Языки славянской культуры, 2015. [Ivanova E. Yu., Gradinarova A. A. *Sintaksicheskaya sistema bolgarskogo yazyka na fone russkogo* [The syntactic system of Bulgarian against the background of Russian]. Moscow: Yazyki Slavyanskoj Kul'tury, 2015.]
- Исаченко 1955 — Исаченко А. В. О возникновении и развитии “категории состояния” в славянских языках // Вопросы языкознания. 1955. № 6. С. 48–65. [Isachenko A. V. On formation and development of the «category of state» in Slavic languages. *Voprosy Jazykoznanija*. 1955. No. 6. Pp. 48–65.]
- Копотев, Стеклова 2016 — Копотев М. В., Стеклова Т. И. Исключение как правило: переходные единицы в грамматике и словаре. М.: Языки славянской культуры, 2016. [Kopotev M. V., Steklova T. I. *Isklyuchenie kak pravilo: perekhodnye edinitsy v grammatike i slovare* [Exception as a rule: Transitional units in grammar and vocabulary]. Moscow: Yazyki Slavyanskoj Kul'tury, 2016.]
- Леков 1967 — Леков И. Колебания между подложна и безподложна сказуемость при т. н. безлични наречения в славянските езици // *Slavica slovaca*. 1967. Roč. 2. Č. 4. S. 321–326. [Lekov I. Fluctuations between subject and non-subject assertion with so-called impersonal names in Slavic languages. *Slavica slovaca*. 1967. Vol. 2. No. 4. Pp. 321–326.]
- Маслов 1981 — Маслов Ю. С. Категория состояния в болгарском языке // Аванесов Р. И. (ред.). Теория языка, методы его исследования и преподавания. К 100-летию со дня рождения Л. В. Щербы. Л.: Наука, 1981. С. 172–177. [Maslov Yu. S. Then category of state in Bulgarian. *Teoriya yazyka, metody ego issledovaniya i prepodavaniya. K 100-letiyu so dnya rozhdeniya L. V. Shcherby*. Avanesov R. I. (ed.). Leningrad: Nauka, 1981. Pp. 172–177.]
- Мельчук 1974 — Мельчук И. А. Опыт теории лингвистических моделей “Смысл ↔ Текст”. М.: Наука, 1974. [Mel'čuk I. A. *Opyt teorii lingvisticheskikh modelei «Smysl ↔ Tekst»* [Towards a theory of “Meaning — Text” linguistic models]. Moscow: Nauka, 1974.]
- Мельчук 1995 — Мельчук И. А. Syntactic or Lexical Zero // Русский язык в модели «Смысл ↔ Текст». М.; Вена: Языки русской культуры, 1995. С. 169–211. [Mel'čuk I. A. Syntactic or Lexical Zero. *Russkij yazyk v modeli «Smysl ↔ Tekst»*. Moscow; Vienna: Yazyki Russkoj Kul'tury, 1995. Pp. 169–211.]
- Мельчук, Жолковский 1984 — Мельчук И. А., Жолковский А. К. Толково-комбинаторный словарь современного русского языка. (Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband 14.) Вена: 1984. [Mel'čuk I. A., Zholkovskiy A. K. *Tolkovo-kombinatornyi slovar' sovremennogo russkogo yazyka* [An explanatory-combinatory dictionary of Modern Russian]. (Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband 14.) Vienna, 1984.]
- Мразек 1987 — Мразек Р. Сравнительный синтаксис славянских литературных языков. Исходные структуры простого предложения. Brno: Univerzita J. E. Purkyně v Brně, 1987. [Mrazek R. *Sravnitel'nyi sintaksis slavyanskikh literaturnykh yazykov. Iskhodnye struktury prostogo predlozheniya* [Comparative syntax of Slavic literary languages. Basic structures of the simple sentence]. Brno: Univerzita J. E. Purkyně v Brně, 1987.]
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка // <http://www.ruscorpora.ru>. [Natsional'nyi korpus russkogo yazyka [Russian National Corpus]. Available at: <http://www.ruscorpora.ru>.]
- Плунгян 1994 — Плунгян В. А. К проблеме морфологического нуля // Беликов В. И. и др. (ред.) Знак. Сб. ст. по лингвистике, семиотике и поэтике памяти А. Н. Журицкого. М.: Рус. уч. центр МС, 1994. С. 148–155. [Plungian V. A. Towards the problem of morphological zero. *Znak. Sb. st. po lingvistike, semiotike i poetike pamyati A. N. Zhurinskogo*. Belikov V. I. et al. (eds.). Moscow: MS Russian Learning Center, 1994. Pp. 148–155.]
- Поспелов 1955 — Поспелов Н. С. В защиту категории состояния // Вопросы языкознания. 1955. № 2. С. 55–65. [Pospelov N. S. In defence of the category of state. *Voprosy Jazykoznanija*. 1955. No. 2. Pp. 55–65.]
- Рахилина 2010 — Рахилина Е. В. (отв. ред.). Грамматика конструкций. М.: Азбуковник, 2010. [Rakhilina E. V. (ed.). *Grammatika konstruktсии* [Construction Grammar]. Moscow: Azbukovnik, 2010.]
- Селиверстова 1982 — Селиверстова О. Н. Второй вариант классификационной сетки и описание некоторых предикатных типов русского языка // Селиверстова О. Н. (ред.). Семантические типы предикатов. М.: Наука, 1982. С. 86–157. [Seliverstova O. N. The second variant of the classification grid and description of some predicate types of the Russian language. *Semanticheskie tipy predikatov*. Seliverstova O. N. (ed.). Moscow: Nauka, 1982. Pp. 86–157.]
- СРЯ 1975 — Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 1975–. [Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. [A dictionary of the 11th — 17th centuries Russian language]. Moscow: Vinogradov Russian Language Institute, 1975–.]
- ФНСАЛ 1997 — Кибрик А. А., Кобозева И. М., Секерина И. А. (ред.). Фундаментальные направления современной американской лингвистики. Сборник обзоров. М.: МГУ, 1997. [Kibrik A. A.,

- Kobozeva I. M., Sekerina I. A. (eds.). *Fundamental'nye napravleniya sovremennoi amerikanskoi lingvistiki. Sbornik obzorov* [Fundamental trends of modern American linguistics. A collection of reviews]. Moscow: Moscow State Univ., 1997.]
- Ходова 1980 — Ходова К. И. Простое предложение в старославянском языке. М.: Наука, 1980. [Khodova K. I. *Prostoe predlozhenie v staroslavjanskom yazyke* [The simple sentence in Old Slavonic]. Moscow: Nauka, 1980.]
- Циммерлинг 1998а — Циммерлинг А. В. История одной полемики // Язык и речевая деятельность. 1998. № 1. С. 63–87. [Zimmerling A. V. The history of a debate. *Yazyk i rechevaya deyatel'nost'*. 1998. No. 1. Pp. 63–87.]
- Циммерлинг 1998б — Циммерлинг А. В. Древнеисландские предикативы и гипотеза о категории состояния // Вопросы языкознания. 1998. № 1. С. 36–59. [Zimmerling A. V. Old Islandic predicatives and the hypothesis of the category of state. *Voprosy Jazykoznanija*. 1998. No. 1. Pp. 36–59.]
- Циммерлинг 1999 — Циммерлинг А. В. Субъект состояния и субъект оценки // Арутюнова Н. Д., Левонтина И. Б. (ред.). Логический анализ естественного языка. Образ человека в культуре и языке. М.: Индрик, 1999. С. 221–228. [Zimmerling A. V. The subject of state and the subject of evaluation. *Logicheskii analiz estestvennogo yazyka. Obraz cheloveka v kul'ture i yazyke*. Arutyunova N. D., Levontina I. B. (eds.). Moscow: Indrik, 1999. Pp. 221–228.]
- Циммерлинг 2000а — Циммерлинг А. В. Американская лингвистика сегодняшнего дня глазами отечественных языковедов // Вопросы языкознания. 2000. № 2. С. 118–133. [Zimmerling A. V. The American linguistics of today as seen by Russian linguists. *Voprosy Jazykoznanija*. 2000. No. 2. Pp. 118–133.]
- Циммерлинг 2000б — Циммерлинг А. В. Этические концепты и семантические поля // Арутюнова Н. Д., Янко Т. Е., Рябцева Н. К. (ред.). Логический анализ языка. Языки этики. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 190–199. [Zimmerling A. V. Ethical concepts and semantic fields. *Logicheskii analiz yazyka. Yazyki etiki*. Arutyunova N. D., Yanko T. E., Ryabtseva N. K. (eds.). Moscow: Yazyki Russkoi Kul'tury, 2000. Pp. 190–199.]
- Циммерлинг 2000в — Циммерлинг А. В. Текст — высказывание — слово. Автономность слова как параметр исторического синтаксиса // Гугнин А. А., Циммерлинг А. В. (ред.). Славяно-германские исследования. Т. 1–2. М.: Индрик, 2000. С. 193–232. [Zimmerling A. V. Text — utterance — word. Independence of the word as a parameter of historical syntax. *Slavyano-germanskie issledovaniya*. Gugin A. A., Zimmerling A. V. (eds.). Vol. 1–2. Moscow: Indrik, 2000. Pp. 193–232.]
- Циммерлинг 2002 — Циммерлинг А. В. Типологический синтаксис скандинавских языков. М.: Языки славянской культуры, 2002. [Zimmerling A. V. *Tipologicheskii sintaksis skandinavskikh yazykov* [Typological syntax of the Scandinavian languages]. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2002.]
- Циммерлинг 2010 — Циммерлинг А. В. Именные предикативы и дативные предложения в европейских языках // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Вып. 9 (16). Материалы международной конференции “Диалог-2010”. М.: РГГУ, 2010. С. 549–558. [Zimmerling A. V. Nominal predicatives and dative sentences in European languages. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii. Materialy mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog-2010»*. No. 9 (16). Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 2010. Pp. 549–558.]
- Циммерлинг 2012 — Циммерлинг А. В. Неканонические подлежащие в русском языке // Воейкова М. Д. (ред.). От значения к форме, от формы к значению. Сборник статей в честь 80-летия Александра Владимировича Бондарко. М.: Языки славянской культуры, 2012. С. 568–590. [Zimmerling A. V. Non-canonical subjects in Russian. *Ot znacheniya k forme, ot formy k znacheniyu. Sbornik statei v chest' 80-letiya Aleksandra Vladimirovicha Bondarko*. Voeikova M. D. (ed.). Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2012. Pp. 568–590.]
- Циммерлинг 2014 — Циммерлинг А. В. Параметр нулевого субъекта и членение текста // Плунгян В. А., Даниэль М. А., Лютикова Е. А., Татевосов С. Г., Федорова О. В. (ред.). Язык. Константы. Переменные. Памяти А. Е. Кибрика. СПб: Алетейя, 2014. С. 217–231. [Zimmerling A. V. The parameter of zero subject and division of the text. *Yazyk. Konstanty. Peremennye. Pamyati A. E. Kibrika*. Plungian V. A., Daniel' M. A., Lyutikova E. A., Tatevosov S. G., Fedorova O. V. (eds.). St. Petersburg: Aletheia, 2014. Pp. 217–231.]
- Циммерлинг 2016 — Циммерлинг А. В. Предикативы параметрического признака в русском языке // Труды ИРЯ РАН. Вып. 10. М.: ИРЯ РАН. С. 358–369. [Zimmerling A. V. Predicatives of parametric characteristics in Russian. *Trudy IRYa RAN*. No. 10. Moscow: Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences, 2016. Pp. 358–369.]
- Циммерлинг 2017а — Циммерлинг А. В. Русские предикативы в зеркале эксперимента и корпусной грамматики // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Вып. 15 (23). Т. 2.

- Труды международной конференции “Диалог-2017”. М.: ПГГУ, 2017. С. 466–482. [Zimmerling A. V. Russian predicatives in the perspective of experiment and corpus grammar. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii. Trudy mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog-2017»*. No. 15 (23). Vol. 2. Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 2017. Pp. 466–482.]
- Циммерлинг 2017б — Циммерлинг А. В. Внутри и снаружи. К типологии предикатов состояния // Арутюнова Н. Д., Боцавер С. Ю., Ковшова М. Л., Янко Т. Е. (ред.). Логический анализ языка. Человек в интерьере. Внутренняя и внешняя жизнь человека в языке. М: Языки славянской культуры, 2017. С. 17–41. [Zimmerling A. V. Inside and outside. Towards a typology of predicates of state. *Logicheskii analiz yazyka. Chelovek v inter'ere. Vnutrennyaya i vneshnyaya zhizn' cheloveka v yazyke*. Arutyunova N. D., Bochaver S. Yu., Kovshova M. L., Yanko T. E. (eds.). Moscow Yazyki Slavyanskoï Kul'tury, 2017. Pp. 17–41.]
- Циммерлинг 2017в — Циммерлинг А. В. Есть ли согласование? Гипотеза Поспелова и конкуренция предикативов и согласуемых прилагательных // Лютикова Е. А., Циммерлинг А. В. (ред.). Типология морфосинтаксических параметров. Вып. 4. Материалы международной конференции “Типология морфосинтаксических параметров 2017”. М.: ГИРЯ, 2017. [Zimmerling A. V. Is there agreement? Pospelov's hypothesis and the competition of predicatives and adjectives. *Tipologiya morfosintaksicheskikh parametrov. Vyp. 4. Materialy mezhdunarodnoi konferentsii «Tipologiya morfosintaksicheskikh parametrov 2017»*. Lyutikova E. A., Zimmerling A. V. (eds.). Moscow: Pushkin State Russian Language Institute, 2017.]
- Циммерлинг 2018 — Циммерлинг А. В. Предикативы и предикаты состояния в русском языке // *Slavistična revija*. 2018. No. 1. Pp. 45–64. [Zimmerling A. V. Predicatives and predicates of state in Russian. *Slavistična revija*. 2018. No. 1. Pp. 45–64.]
- Щерба 2008 — Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. 4-е изд. М.: ЛКИ, 2008. [Shcherba L. V. *Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost'* [Linguistic system and speech activity]. 4th ed. Moscow: LKI, 2008.]
- Якобсон 1985 — Якобсон Р. О. Избранные работы. М.: Прогресс, 1985. [Jakobson R. O. *Izbrannye raboty* [Selected works]. Moscow: Progress, 1985.]
- Ackema, Neeleman 2007 — Ackema P., Neeleman A. Morphology ≠ Syntax. *The Oxford handbook of linguistic interfaces*. Ramchand G., Weiss Ch. (eds.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2007. Pp. 325–352.
- Apresjan et al. 2003 — Apresjan Ju., Boguslavsky I., Iomdin L. et al. ETAP-3 linguistic processor: A full-fledged NLP implementation of the MTT. *First International Conference on Meaning—Text Theory (MTT'2003). June 16–18, 2003*. Paris: École Normale Supérieure, 2003. Pp. 279–288.
- Benveniste 1964 — Benveniste É. Les niveaux de l'analyse linguistique. *Proceedings of the Ninth International Congress of Linguists*. Lunt H. G. (ed.). The Hague: Mouton, 1964.
- Bresnan, Mchombo 1995 — Bresnan J., Mchombo S. A. The lexical integrity principle: Evidence from Bantu. *Natural Language and Linguistic Theory*. 1995. Vol. 13. № 2. Pp. 181–254.
- Boguslavsky 2011 — Boguslavsky I. M. Remarks on compositionality (with reference to Gennadij Zeldovič's article “On Russian dative reflexive constructions: Accidental or compositional?”). *Studies in Polish Linguistics*. 2011. №. 6. Pp. 173–179.
- Borer 2014 — Borer H. *Taking form. Structuring sense*. Vol. III. Oxford: Oxford Univ. Press, 2014.
- Dalrymple 2001 — Dalrymple M. *Lexical Functional Grammar*. (Syntax and Semantics, 34.) New York: Academic Press, 2001.
- Goldberg 2016 — Goldberg A. Compositionality. Riemer N. (ed.). *The Routledge handbook of semantics*. London; New York: Routledge, 2016. Pp. 419–433.
- Halle, Marantz 1993 — Halle M., Marantz A. Distributed Morphology and the pieces of inflection. *The view from Building 20*. Hale K., Keyser S. J. (eds.). Cambridge (MA): MIT Press. Pp. 111–176.
- Harris 2002 — Harris A. C. *Endoclititics and the origins of Udi morphosyntax*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2002.
- Havránek 1962 — Havránek B. *Otázky slovanské syntaxe*. Praha: Státní pedagogické nakladatelství, 1962.
- Kari 2002 — Kari E. E. On endoclititics: Some facts from Degema. *Journal of Asian and African Studies*. 2002. No. 63. Pp. 37–53.
- Keine, Müller 2015 — Keine S., Müller G. Differential argument encoding by impoverishment. Bornkessel-Schlesewsky I., Malchukov A. L., Richards M. (eds.). *Scales and hierarchies: A cross-disciplinary perspective*. Berlin: Walter de Gruyter, 2015. Pp. 75–130.
- Klavans 1995 — Klavans E. L. *On clitics and cliticization: The interaction of morphology, phonology and syntax*. New York: Garland, 1995.
- Lavine 2014 — Lavine R. Anti-Burzio predicates: From Russian and Ukrainian to Icelandic // *Вестник МГГУ им. М. А. Шолохова. Сер. Филологические науки*. 2014. № 2. С. 91–106.

- Marantz 1997 — Marantz A. No escape from syntax: Don't try morphological analysis in the privacy of your own lexicon. *University of Pennsylvania Working Papers in Linguistics*. 1997. Vol. 4. Pp. 201–225.
- Měniku, Campos 2011 — Měniku L., Campos L. *Discovering Albanian, I. Textbook*. Madison Univ. of Wisconsin, 2011.
- Mel'čuk 2006 — Mel'čuk I. Zero sign in morphology. *Aspects of the Theory of Morphology*. Mel'čuk I., Beck D. (eds.). (Trends in linguistics. Studies and Monographs, 146.) Berlin: De Gruyter Mouton, 2006. Pp. 447–495.
- Mel'čuk 2014 — Mel'čuk I. Syntactic subject: Syntactic relations, once again // Плунгян В. А., Даниэль М. А., Лютикова Е. А., Татевосов С. Г., Федорова О. В. (ред.). Язык. Константы. Переменные. Памяти А. Е. Кибрика. СПб: Алетейя, 2014. С. 169–216.
- Say 2013 — Say S. On the nature of dative arguments in Russian constructions with “predicatives”. I. Kor-Chahine (ed.). *Current studies in Slavic linguistics*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 2013. Pp. 225–246.
- Siebs 1910 — Siebs T. Die sogenannten subjektlosen Sätze. *Kuhn's Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung*. 1910. Bd. 43. S. 254–276.
- Sperber 1972 — Sperber W. Ist die Zustandkategorie eine für die Beschreibung der Grammatik slawischer Sprachen notwendige Wortart? *Zeitschrift für Slawistik*. 1972. Bd. 17. S. 401–409.
- Zatovkaňuk 1965 — Zatovkaňuk M. Neosobni predikativa a utvary přibuzné, zvláště v ruštině. *Rozpravky Československé akademie věd*. Sešit 6, Roč. 75. Praha: NČSAV, 1965.
- Zimmerling 2007 — Zimmerling A. Zero lexemes and derived sentence patterns. *Wiener Slawistischer Almanach. Linguistische Reihe. Sonderband 69. MTT 2007 preprints*. Gerdes K., Reuther T., Wanner L. (eds.). Klagenfurt, 2007. Pp. 457–470.
- Zimmerling 2009 — Zimmerling A. Dative subjects and semi-expletive pronouns in Russian. *Studies in formal Slavic phonology, morphology, syntax, semantics and discourse structure*. Zybatow G., Jung-hanns U., Lenertova D., Biskup P. (eds.). (Linguistik International, 21.) Frankfurt am Main: Peter Lang, 2009. Pp. 253–265.
- Zimmerling 2013a — Zimmerling A. Transitive impersonals in Slavic and Germanic // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Вып. 12 (19). Труды международной конференции «Диалог-2013». С. 723–737.
- Zimmerling 2013b — Zimmerling A. Zero subjects and transitive impersonals. *Meaning—Text Theory: Current developments*. (Wiener Slawistischer Almanach, 85.) Apresjan V., Iomdin B. (Hrsg.). München: Peter Lang, 2013. Pp. 233–240.
- Zubatý 1954 — Zubatý J. *Studie á články. II. Vykłady tvaroslovné, syntaktické a jiné*. Praha: ČSAV, 1954.

Получено / received 04.12.2017

Принято / accepted 17.04.2018